

Крис Ридгелл
Пол Стюарт

ХРОНИКИ КРАЯ

АКАДЕМИК ВОКС

Хроники Края

Крис Ридделл

Хроники Края. Академик Вокс

«Издательство АСТ»

2003

УДК 821.111-93
ББК 84(4Вел)-44

Ридделл К.

Хроники Края. Академик Вокс / К. Ридделл — «Издательство АСТ», 2003 — (Хроники Края)

ISBN 978-5-17-111777-1

Далеко-далеко, рассекая пространство, как огромная резная фигура на носу могущественного каменного корабля, простирается Край. Страшная засуха поразила его земли: за десятки лет здесь не упало ни капли дождя. Сады, в которых зарождались летучие камни, погибают... Но это не мешает всеми забытому Верховному Академику Воксу строить коварные планы, а Плуту Кородёру, несмотря на тяжелые испытания, выпавшие на его долю, по-прежнему верить: вскоре он вновь увидит в небе воздушные корабли...

УДК 821.111-93

ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-17-111777-1

© Ридделл К., 2003
© Издательство АСТ, 2003

Содержание

Введение	6
Глава первая	10
Глава вторая	21
Глава третья	39
Глава четвЁртая	59
Конец ознакомительного фрагмента.	68

Крис Ридделл, Пол Стюарт Хроники Края. Академик Вокс

Paul Stewart, illustrated by Chris Riddell

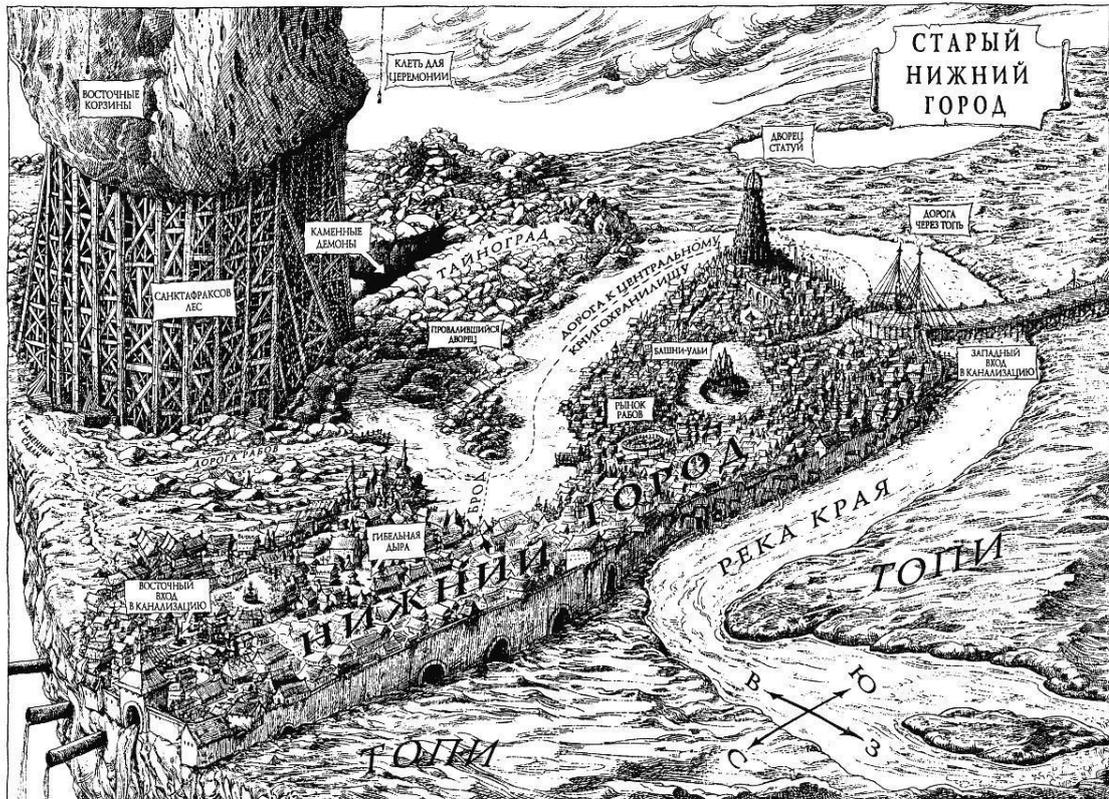
The Edge Chronicles 8: Vox

© Paul Stewart and Chris Riddell, 2003

© Ю. Шор, перевод на русский язык, наследники, 2019

© ООО «Издательство АСТ», 2019

Посвящается Джеку, Кэти, Анне, Джозефу и Уильяму

Введение

Далеко-далеко, рассекая пространство, как огромная резная фигура на носу могущественного каменного корабля, простирается Край. Со скалы, нависающей над бездной, льётся бесконечный поток – здесь кончается Река Края. Русло её широкое, река медленно и лениво несёт свои воды. Десятки лет на эту землю не падало ни капли дождя, но теперь, когда небо заволокло чёрными тучами, а тяжёлый, горячий воздух пропитан влагой, можно ожидать перемен.

У самого обрыва Краевой Земли раскинулись Каменные Сады. Когда-то там зарождались летучие камни, без которых невозможны полёты небесных кораблей, и там же формировались великие скалы Санктафракса. Теперь Каменные Сады умирают: земли Края поразила ужасная каменная болезнь, она погубила все летучие корабли, разрушила скалы и превратила Каменные Сады в бесплодную пустошь с раздробленными осколками горных пород. Даже белые вороны, некогда охранявшие каменный заповедник, покинули эти места.

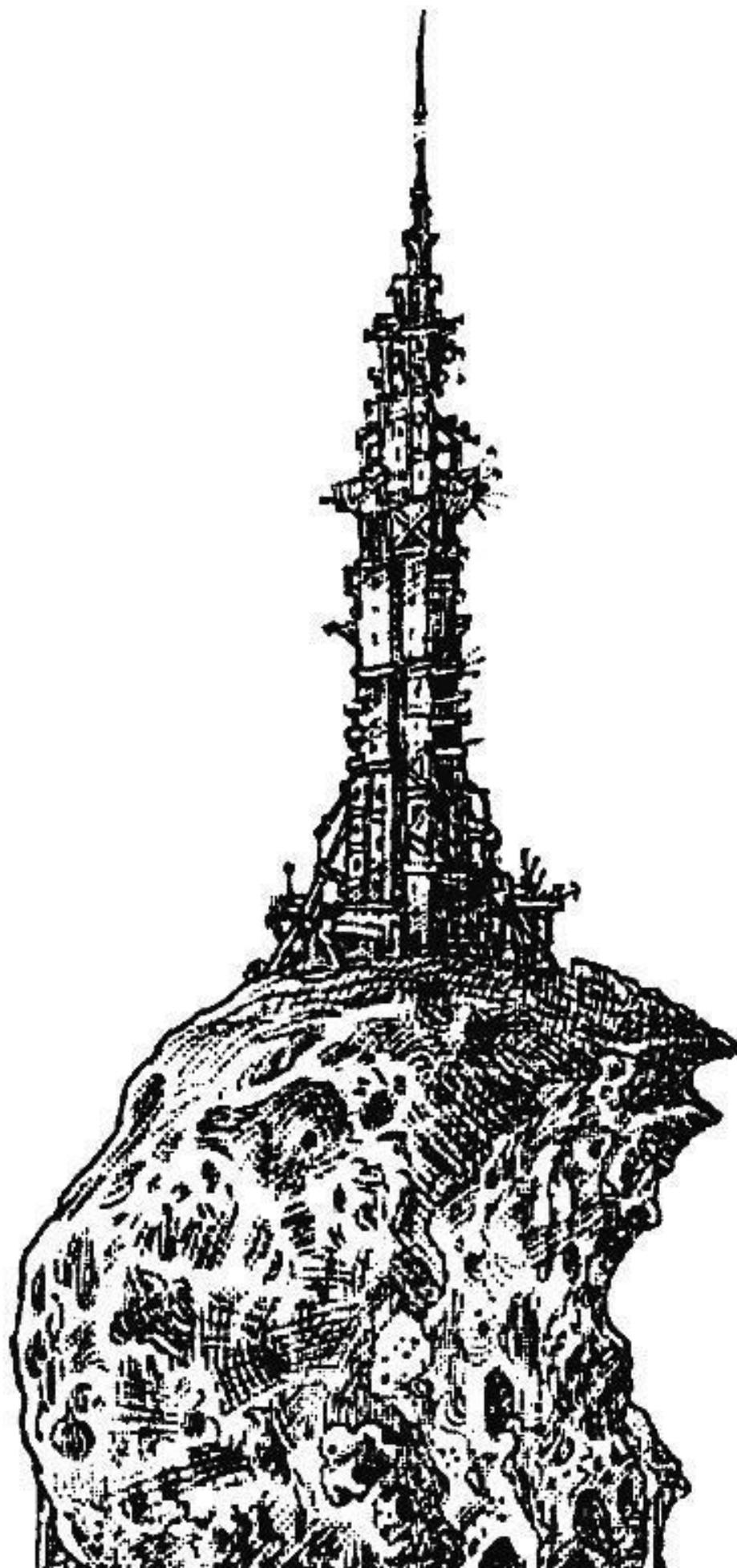
И только Стражи Ночи с безжалостным Орбиксом Ксаксисом во главе верили, что грозовая молния, которую принесёт Мать Штормов, исцелит злой недуг. Много лет подряд, укрывшись в Башне Ночи на самой вершине крошащейся скалы Санктафракса, они с нетерпением ждали её появления.

Но их противники Библиотечные Академики, вынужденные скрываться под мрачными сводами подземной канализации, считали, что молния не вылечит каменную болезнь. Собравшись под предводительством Верховного Библиотекаря Фенбруса Лодда, они спорили, гадали, высказывали предположения и гипотезы, ставили эксперименты, исследуя обломки заражённой странном вирусом скалы, в попытке найти иное целительное средство. Учёные не теряли бдительности: они должны были тщательно оберегать себя и свои секреты от любого, кто посмеет вторгнуться в подземное книгохранилище.

А недругов, не считая Орбикса Ксаксиса, у обитателей подземной канализации было предостаточно: одним из них был жестокий молотоголовый гоблин генерал Титтаг, мечтавший о том, как он железной хваткой возьмёт за горло тех, кто ютится в подземелье Нижнего Города, и тех, кто живёт наверху. Он бы с удовольствием осуществил свои намерения, если бы нападение не было столь опасным. Мамаша Ослиный Коготь, Предводительница шраек из Восточного Посада, также хотела бы уничтожить библиотеку и навсегда разорвать связь между Библиотечными Академиками и своими заклятыми врагами – учёными с Вольной Пустоши.

И днём и ночью Библиотечные Рыцари бдительно патрулировали небо. Плут Кородёр, вчерашний подмастерье с Вольной Пустоши, опытный пилот, наравне со своими товарищами совершал рейды в одиночку или вдвоём с напарником. Пилоты на деревянных небоходах старались держаться в тени, облетая просторы над Нижним Городом, давно пришедшим в упадок. Они стремительно проносились мимо груды обломков и зияющих пустот Тайнограда, проскальзывали между громадных столбов и распорок Санктафраксова Леса, гигантского сооружения, которое не позволяло скале Санктафракса, поражённой каменной болезнью, окончательно развалиться.

После полётов рыцари возвращались в библиотеку с отчётами о наземном мире: это были странные, тревожные сообщения о шаровых молниях, пронзающих небесную ширь, о мутантах – чудовищах колоссальных размеров, населяющих Тайноград, и о знойной, душной погоде наверху, где от влаги становилось всё труднее дышать.

Вокс Верликс, нынешний Глава Всех Лиг и Верховный Академик Санктафракса, хорошо разбирался в метеорологии. Когда-то этот юный гений, хулиган и задира был одним из самых многообещающих подмастерьев своего поколения, изучавших облаковедение. Ему удалось силой вырвать власть из рук Каулквейпа Пентефраксиса, Верховного Академика Нового Санктафракса, и самолично возложить на себя обязанности правителя. Именно он сумел подмять могущественные Купеческие Лиги, и он же затеял строительство Башни Ночи, Дороги через Великую Топь и Санктафраксова Леса.

Сейчас, несмотря на пышные титулы и грандиозные проекты, Вокс Верликс терял своё влияние. Его постоянно теснили. Орбикс Ксаксис захватил Башню Ночи, Мамаша Ослиный Коготь взяла под контроль Дорогу через Великую Топь, а генерал Титтаг, командовавший армией гоблинов, фактически встал во главе Нижнего Города и правил им железной рукой, оставив бывшего хозяина в качестве марионетки, дабы оградить себя от угрозы нападения шраек.

В итоге Вокс Верликс, спившийся, непомерно тучный, оказался едва ли не заключённым в рушащемся Дворце Статуй.

Закормленный и раздобревший от обилия продуктов, поставляемых экономкой, он проводил время в полузабытьи, в моменты просветления (с трудом вспоминая, что с ним происходило днём раньше) думал о былой славе, и события минувших лет ясно вставали в его памяти. В эти минуты Вокс строил планы на будущее. Хитроумные, злокозненные планы. Он был одинок и беспомощен, но лелеял мечты об отмщении тем, кто был повинен в его нынешнем ничтожестве: и вкочтающим шрайкам, разгуливающим с важным видом по Дороге через Великую Топь, и гоблинам, чеканящим шаг по улицам Нижнего Города, и мрачным Стражам Ночи, постоянно дежурившим на верхушке башни.

Странные настали времена. В самом воздухе, раскалённом и влажном, витала опасность – казалось, тебя сунули в кипящий котёл, готовый взорваться с минуты на минуту. Рабы еле волокли ноги, задыхаясь от жары. Охрана постоянно вступала в перебранки. А чудища, обитавшие в Тайнограде и Санктафраксовом Лесу, становились нервными и непредсказуемыми.

«Что-то будет», – думали все. Но что?

По городу ползли слухи, подозрения усиливались. Ответов на бесконечные вопросы дать никто не мог. Чем занимаются Орбикс Ксаксис и Стражи Ночи? Зачем они каждую ночь разглядывают небо? Что замышляет генерал Титтаг, укрывшийся в крепости с башнями, похожими на пчелиные ульи? Зачем Мамаша Ослиный Коготь собрала свою Шайку Шраек во временном дворце у края Дороги через Великую Топь? И что обо всём этом думают библиотекари, спрятавшиеся в канализации, или они совсем перестали заботиться о тех, кто живёт над ними?

И только одно имя никогда не звучало в досужих разговорах. Никто не вспоминал правителя, утонувшего в мареве мечтаний и сновидений, потерявшего ощущение реальности в крошащемся каменном дворце, пока Нижний Город плавился от нестерпимой жары. Забыли только про него одного – Вокса Верликса.

Тёмные Леса, Каменные Сады, Река Края, Нижний Город и Санктафракс. Названия на географической карте.

Но за каждым из них стоит множество историй – историй, записанных на древних свитках, историй, которые переходят из уст в уста, от поколения к поколению, историй, которые рассказываются и по сей день.

Одну из таких историй мы и хотим вам рассказать.

Глава первая

Утренний патруль

В огромном зале было промозгло – холод пронизывал до костей. Сквозь переплёты подёрнутого изморосью стеклянного купола виднелось тёмное небо, на нём сверкали звёзды, похожие на частицы пылефракса. Под куполом располагался массивный стол из железного дерева в форме кольца. За столом, скрючившись над ворохом небесных карт, застыла массивная неповоротливая фигура, перед нею красовалась тяжёлая пивная кружка с открытой крышкой, а на полу, у ножки стула, валялся опрокинутый телескоп. Внезапно голова сидящего накренилась, на губах запузырилась слюна, и громкий храп огласил помещение.

От чудовищного сквозняка карты звёздного неба шуршали, как мёртвые листья на ледяном ветру. Академик поёжился во сне, и лёгкое позвякивание медальона из пылефракса, задевшего тяжёлую металлическую цепь – свидетельство высокого титула, – слилось с могучим храпом.

Он подался головой вперёд, щёки его раздулись от сопения, складки жира на шее подрагивали при каждом вдохе. Болтавшийся на шее медальон звякнул о край опустевшей кружки, однако металлический скрежет не разбудил спящего; выводя рулады и трясая тройным подбородком, академик кренился всё ниже к столу, пока медальон не попал внутрь сосуда.

И тут, издав пугающий рык, спящий, ткнувшись носом, ударился лицом о стол, резко выпрямился и открыл глаза. Он услышал потрескивание, затем хруст, затем лёгкий запах лесного миндаля – и кружка, взорвавшись, разлетелась на куски.

Академика выбросило из кресла. Он пролетел через весь зал, падая, подвернул ногу и сильно расшиб лоб о каменный пол.

Высоко под потолком эхо отозвалось звоном разбитого стекла, и последовал оглушительный звук, от которого у академика чуть не лопнули барабанные перепонки: какой-то тяжёлый предмет, проломив стеклянный купол, с грохотом рухнул на стол из железного дерева и раскололся надвое.

Академик глухо закашлялся, с трудом поднимаясь на ноги. В воздухе кружили тучи пыли, пахло гарью. У академика стучало в висках, уши заложило, в глазах рябило, и, куда бы он ни бросил взгляд, всюду сверкали пурпурно-зелёные всполохи – последствия взрыва...

Постепенно конвульсии мучительного кашля прекратились, и он смог дотянуться до покрывала из паучьего шёлка, чтобы вытереть воспалённые глаза. У себя над головой он заметил зияющие дыры: от взрыва стёкла в куполе просыпались на пол – и теперь осколки, лежавшие у ног, мерцали в лунном свете. Нахмурившись, он огляделся и заметил какой-то предмет, валявшийся среди груды битого стекла и деревянных обломков. То была голова одной из статуй, украшавших крышу. Иней, покрывавший её, растаял, и по полу растекалась грязная лужа.

Интересно, какой знаменитости был воздвигнут монумент, проломивший кровлю?

Академик нагнулся и взял в руки скользкую от влаги мраморную голову. Повернув её к себе лицом, он ахнул от изумления, увидев собственную копию.

До полуночи оставалось несколько минут, грязно-жёлтая полная луна мелькала за сгущавшимися тучами. Было сравнительно тепло, и воздух был пропитан влагой. Верховный Страж Ночи Орбикс Ксаксис, выйдя на самую верхнюю площадку здания, беспокойно огляделся и стал поправлять противогаз, прикрывающий лицо.

Поскольку клапаны железной маски были затянуты сеткой из паучьего шёлка, дышать ему было трудно – крупные капли пота катились по щекам, а голос приобретал неестественную хрипотцу. И всё же противогаз служил надёжной защитой от болезнетворных испарений ночи.

Верховный Страж приладил железную маску и защёлкнул замок. Когда грянет долгожданная буря, с тихим удовлетворением думал он, воздух снова станет свеж и чист и можно будет свободно дышать, но пока не наступил этот славный день...

– Ваши верные слуги ждут ваших приказаний, – послышался чей-то сиплый голос.

Орбикс Ксаксис повернулся.

Перед ним стоял Моллус Леддикс, мастер по изготовлению клетей, а за ним высилось несколько громил-стражников, плоскоголовых гоблинов, они крепко держали двух побледневших от страха юных библиотекарей. Один из них пытался храбриться, еле держась на ногах: спутанные рыжие волосы, прилипшие ко лбу, чуть прикрывали рану, а губы дрожали от страха. Его товарищ, ростом поменьше, сгорбился, не отрывая глаз от земли, голубые его глаза побелели от ужаса. Руки у пленников были связаны за спиной.

Орбикс сунул рыло своего противогаза прямо в лицо меньшему и принюхался. На глазах у юного библиотекаря показались слёзы.

– Отлично! – воскликнул Орбикс Ксаксис. – Сладкие... Нежные... а где их поймали? В канализации?

– Одного мы схватили в сточной трубе, – подтвердил Леддикс, – а другого подстрелили в Нижнем Городе.

Орбикс Ксаксис поцокал языком.

– Вы, библиотекари, наверно, никогда не поймёте, что хозяева здесь мы, Стражи Ночи. – Он кивнул плоскоголовым гоблинам. – Посадите их в клетку и уберите кляпы изо рта. Я хочу услышать, как они запоют.

Стражники бросились к пленным, вытащили верёвочные кляпы у каждого и поволокли несчастных к краю площадки. Там на канатах, пропущенных через систему блоков, болталась тяжёлая клеть. Охранники открыли дверь, запёртую на щеколду, и впихнули пленников внутрь. Рыжеволосый юноша встал не шевелясь и гордо поднял голову. Меньший последовал его примеру.

Орбикс сердито засопел. Все они такие, эти юные библиотекари. Делают вид, что им всё нипочём, храбрятся, скрывая леденящий страх. И никогда никто не просил пощады ради спасения собственной жизни. Дикая злоба охватила Орбикса. Ну сейчас они у него запоют!

– Опустить клеть! – рявкнул Верховный Страж Ночи.

Леддикс подал сигнал освободить запорный болт на поворотном колесе. Качнувшись, клеть начала долгий спуск. Орбикс Ксаксис, задрал голову, поднял обе руки вверх. Железная маска поблёскивала при свете луны, блики играли на дымчатых стёклах противогаза.

– Так погибнет всякий нечестивец, осмелившийся вступить с нами в борьбу, загрязняя Великое Небо своими летательными аппаратами! – гремел его скрежещущий голос. – Мы, Стражи, очистим небо от скверны в ожидании Великой Ночи! Да здравствует Великая Буря!

Стражники на площадке подхватили клич:

– Да здравствует Великая Буря! Да здравствует Великая Буря!

Клеть опускалась всё глубже. Она стремительно миновала тёмную угловатую Башню Ночи, промелькнула мимо крошащейся скалы Санктафракса с лабиринтом подпорок и нырнула дальше, в просторы Тайнограда. Юные библиотекари, стараясь удержать равновесие, испуганно озирались по сторонам.

– Не смотри вниз, – сказал рыжеволосый своему товарищу.

– Постараюсь, – ответил младший. – Я видел что-то страшное внизу, в темноте... Оно ждёт нас...

Когда от рушащейся Санктафраксовой скалы отвалились гигантские глыбы, Нижний Город практически был уничтожен, пришёл в запустение, и под ним среди развалин зародился Тайноград. Массивные валуны камнепада погубили улицы и дома, под тяжестью страшных лавин в земле образовались бездонные провалы.

Клеть с юными библиотекарями неумолимо опускалась в такой каньон. Вдруг движение прекратилось. Юноши прильнули к решёткам. Высоко над ними прогремел голос Верховного Стража Ночи:

– Выходите, Демоны Тьмы! Накажите тех, кто смеет загрязнять наше чистое небо! – Он повернулся к Леддиксу и злобно прошипел: – Открыть клетку!

Леддикс бросился выполнять приказ и надавил плечом на массивный рычаг – канат со свистом скользнул через блок, и сразу же раздался глухой щелчок. Дно клетки раскрылось, и юные библиотекари, вопя от ужаса, кувырком полетели вниз по крутому, осклизлому склону.

– Вот они и запели, – удовлетворённо пробурчал Орбикс из-под железной маски, шагнул вперёд и нагнулся, вглядываясь в мрачный провал.

Далеко внизу барахтались юные библиотекари, цепляясь за скользкие камни, хватаясь за уступы и неудержимо скатываясь всё глубже в каньон. А там, в непроглядной мгле, выползая из всех щелей, трещин и расселин, их уже поджидали кровожадные монстры, выпустившие острые когти и раскрывшие крыла.

Юные пленники пронзительно кричали. Страшные чёрные тени обступили библиотекарей со всех сторон; круг сужался, как зрачок на свету. Из пропасти донеслись рычание, вой и – звук разрываемой плоти. Затем всё стихло.

Орбикс опустил глаза.

– Какая хорошая песня, – задумчиво пробормотал он. – Никогда не устану слушать её!

– Хозяин! – с ужасом выдохнул Леддикс, указывая на небо и падая на колени. – Смотрите!

Орбикс резко обернулся и увидел кроваво-красный пылающий шар, прочертивший небо. Описав дугу, он с диким рёвом пролетел над головой Орбикса, пронёсся мимо Каменных Садов и исчез в Открытом Небе. Верховный Страж провожал его немигающим взглядом, пока шар не

превратился в сверкающую точку размером не более болотного драгоценного камня и, наконец, совсем не исчез.

Орбикс плотно сжал губы.

В следующее мгновение вдали послышался глухой взрыв и показалась яркая вспышка. Чёрные тучи закрыли собой тусклую жёлтую луну. Орбикс, чтобы успокоиться, крепко вцепился в деревянный ворот. Тяжёлый воздух всё сильнее сдавливал ему грудь.

– Это знак свыше, – промолвил он. – Посмотрите, как сгустились облака, и воздух раскалён, как никогда. Небо готовится к наступлению чудесной ночи.

– Да здравствует Великая Буря! – гаркнул Леддикс, падая на колени.

Стража ещё раз подхватила клич:

– Да здравствует Великая Буря! Да здравствует Великая Буря!

А в это время Ксант Филантайн, помощник Верховного Стража Ночи, находился в своей келье несколькими этажами ниже площадки. Оторвав взгляд от берестяного свитка, он содрогнулся при мысли о Церемонии Очищения. Сегодня в жертву были принесены два юных библиотекаря, которых он допрашивал накануне. И это после того, как он специально попросил Леддикса оставить их в покое! Ксант ударил кулаком по столу. Мерзкий слизняк! Как он смел через его голову пойти прямо к Орбиксу Ксаксису, хотя всем известно, какое удовольствие тот получает от милых ритуалов, выдуманных им самим!

Ксант подошёл к окну и выглянул наружу.

– Да здравствует Великая Буря! – горько пробормотал он.

* * *

Перегнувшись через седло «Буревестника», Плут посмотрел вниз и нахмурился. Что-то странное творилось у контрольно-пропускного пункта на Дорогу через Великую Топь. Обычно в такое раннее утро у заставы было не более пяти шраек. Сегодня же там толпились сотни птицеподобных чудищ.

Умело опустив верхний парус и подтянув нижний, пилот максимально снизил высоту и сделал круг над территорией. Он рассчитывал, что густой туман поможет ему остаться незамеченным. Держась над самой землёй, он облетел дровяные склады. Затем, зажав оба каната от парусов в левой руке, правой поднёс к глазу подзорную трубу.

– О Небеса! – воскликнул он.

На Дороге через Великую Топь он увидел бесконечные колонны крылатых воительниц. В их сборище чувствовалось что-то зловещее. Судя по сверкающим нагрудным пластинам, начищенным шлемам с пышными плюмажами и множеству устрашающих орудий у каждой шрайки, это было не рядовое собрание клана. Похоже, шрайки объявили мобилизацию.

Плут понимал: ему немедленно нужно добраться до Центрального Книгохранилища и сообщить, что творится на дороге. И тогда уже Верховный Библиотекарь Фенбрус Лодд решит, как поступать в подобной ситуации. Рванув канат, управляющий верхним парусом, Плут развернул «Буревестника» и, продолжая держаться над самой землёй, направился к Нижнему Городу.

Да, удивительные наступили времена. Распространялись упорные слухи о чудовищной жестокости гоблинов, наводнивших Нижний Город, о восстании ропщущих рабов в Сантафраксовом Лесу, поступали недостоверные сведения о чудовищах, населяющих расселины в поражённой каменной болезнью скале. И к тому же погода стояла какая-то странная. Как все Библиотечные Рыцари, Плут Кородёр получил задание при патрулировании пристально наблюдать за изменениями в атмосфере.

Он недоумевал, что ему доложить. То, что утром было жарче, чем накануне? Или что воздух казался тяжелее, влажность повысилась, и дышать стало труднее? А плотные тучи, сгустившись, нависли совсем низко над землёй, и солнца почти не было видно? Так? Но в чём тому причина? Плут понимал одно: восход окунул небосклон в грязно-жёлтую хмарь, яркие лучи солнца и окрашенные нежно-розовой акварелью лёгкие перистые облака стали воспоминанием.

Прокладывая путь в густом, обжигающем мареве, Плут облетел растрескавшиеся башни Дворца Статуй, совершил круг над Нижним Городом, где царили мерзость и запустение. Он увидел скудную утреннюю торговлю в полуразвалившихся лавках, мастерские, где еле теплилась жизнь, фабрики и литейные цеха, откуда валил удушливый дым... Гоблины-стражники вели рабов, скованных одной цепью, ночная смена заканчивалась и начиналась дневная.

– Бедняги, – прошептал Плут.

Сердце у него сжалось. От затхлости ему сделалось дурно. Однако, облетев город на небольшой высоте, он не заметил никаких перемен в поведении гоблинов, известных своей жестокостью, никаких следов недавнего восстания. Возле груды сваленных брёвен и подпорок, образующих Сантафраксов Лес, рабы трудились не покладая рук, а гоблины-надсмотрщики командовали, время от времени раздавая несчастным оплеухи и зуботычины.

Там, где не видно было рабочих бригад, Сантафраксов Лес казался удивительно спокойным. И только несмолкаемый лёгкий треск нарушал тишину. Плут, охваченный тревогой, нырял вверх-вниз между распорками призрачного сооружения. Он никогда не любил это место, его населяли малоприятные существа: стаи птичекрысов, колонии бешеных лягвожоров, бритвошпы и зубогрызы...

Продолжая держаться невысоко от земли, он отдался на волю стихии, и порывом ветра небоход перенесло через Реку Края. Плут задумался, вспомнив о подземном Книгохранилище, и поразился, что долгие годы, проведённые им под мрачными сводами подземной канализации, позади... Ему нравилось ощущение свободы, когда солнце светило в лицо и ветер трепал волосы, а он взмывал всё выше на своём «Буревестнике», не переставая удивляться бесконечности вселенной.

Плут глянул вниз и тревожно сглотнул слюну. Тайноград...

Под ним лежала каменная пустыня, земля была покрыта сетью глубоких трещин. Юноша вздрогнул. В развалинах мелькали неясные тени, причудливо мерцавшие огоньки напоминали чьи-то горящие глаза, алчно уставившиеся на него из мрака. Плут почувствовал себя неуютно: обстановка давила. Он резко потянул за пусковой канат, и небоход взмыл в небо.

Плут набирал высоту – скала Сантафракса и Башня Ночи остались далеко внизу. Слева раскинулись Каменные Сады, превратившиеся в груды расколотых валунов. Поправив верхний парус, Плут развернул «Буревестника» и приготовился к долгому спиральному спуску, направляясь к самой дальней точке Земли Края.

Тайноград исчез, и у Плути поднялось настроение. Как хорошо парить высоко в небе, когда под тобой расстилается неизведанный мир, похожий на разлинованную географическую карту! Это была его стихия – необъятные небесные просторы. А рыскать, как пёстрая крыса, под землёй – не его удел!

Неожиданно его мысли были прерваны тяжёлым грохотом и рёвом, оглушительная звуковая волна накрыла его со спины. В следующую секунду всё смешалось: громы, вспышки света и неистовая жара. «Буревестника» тряхнуло, и небоход вошёл в штопор. Не было видно ни зги. Неистовый порыв ветра подхватил Плутона, кружа и мотая взад-вперёд, как осенний лист. В нос ударил ядовитый запах гари: пахло тлеющим паучьим шёлком и пережаренным лесным миндалём.

– Да помогут мне Небеса, – пробормотал Плут, и слова его утонули в ураганном порыве ветра.

Небоход стремительно падал, Плут вверх тормашками летел на землю с такой же скоростью, что и рушащиеся обломки Сантафраксовой скалы.

Глава вторая

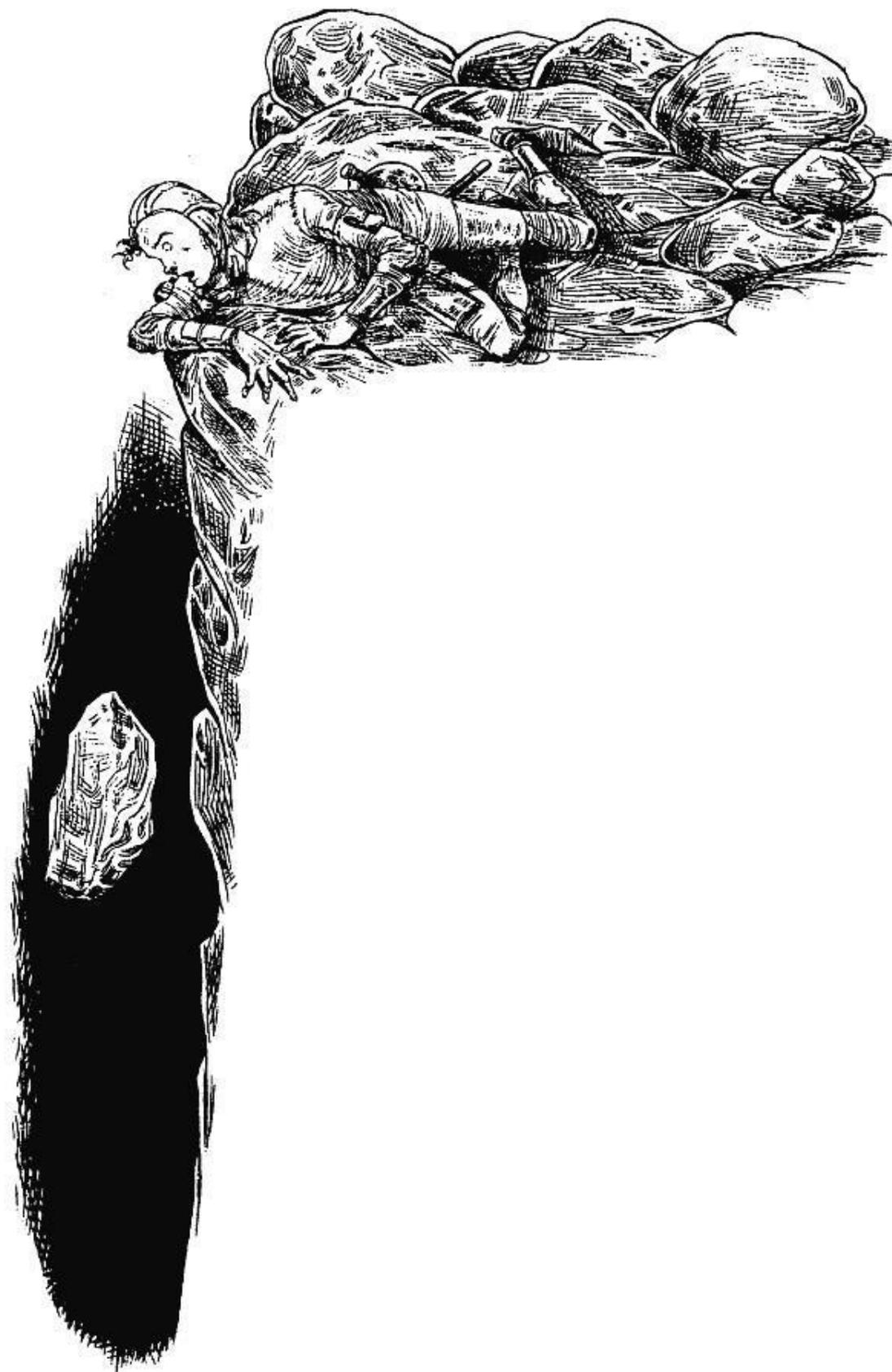
Тайноград

Плут пытался удержаться в седле, но «Буревестник» после крутого виража устремился носом вниз. Пилот привстал на стременах и, отклонившись назад, вступил в тщетную борьбу со стихией. Все усилия были напрасны. Небоход не слушался руля. Земля, усеянная каменными обломками, глубокими ямами и рытвинами, стремительно приближалась.

В последнюю секунду Плут подумал, что надо расслабить напряжённые мускулы, – так его учили во время тренировочных полётов. Он отпустил гнутую шею деревянной птицы, вынул ноги из стремян, и «Буревестник» уплыл от него.

На секунду юноше показалось, что всё кружится и несётся кувырком. Завывал ветер, сверкали цветные всполохи, а затем – темнота. Больше он ничего не помнил.

Плут открыл глаза. В голове гудело, и что-то тяжёлое придавило грудь. Рот был забит какой-то дрянью. Но он был жив!

Смутные очертания скалистых обломков вырисовывались на фоне грязно-серого неба. По форме они отдалённо напоминали сидящих на яйцах гигантских птиц. Где он? Куда поде-

вался «Буревестник»? Он с трудом вспомнил, как облетал могучий утёс, поднявшись высоко в небо, а в следующую секунду...

Тайноград!

Мурашки зашевелили спину. Коварный ветер принёс его обратно, в это гиблое место, где валялись обломки разрушенных зданий, а в дырах между валунами прятались камнееды, головоноги и прочая мерзость. Высоко над головой Плут услышал хриплое карканье белого ворона, мелькнувшего на фоне грязного, пыльного неба.

Самое главное – не поддаваться панике. Нужно успокоиться. Он хорошо помнил, чему его учили. Он же Библиотечный Рыцарь, в конце концов! Один из лучших учеников Варис Лодд! Он выживет! Он обязан остаться в живых! Варис и в голову не придёт, что может быть иначе!

Прежде всего нужно было проверить, не ранен ли он. Плут осторожно ощупал голову, шею, рёбра... Грудь придавило камнем, и поэтому трудно было дышать. Побагровев от натуги, Плут сдвинул тяжёлый камень, и тот провалился в пустоту.

Замерев от ужаса, Плут посмотрел в зияющий чёрный провал. Он лежал на самом краю пропасти, а камень с грохотом катился вниз, задевая о выступы отвесной стены, каждый его удар отзывался глухим эхом. Потом из глубины каньона послышался вой и воздух зазвенел от зловещих голосов.

Плут поднялся и отступил подальше от края. Какие бы твари ни обитали на дне этой чудовищной расселины, они были разбужены падением камня.

Завывания усиливались, и Плуту показалось, что кто-то, царапая камни, приближается к нему. Он повернулся и торопливо, оскальзываясь и падая, стал пробираться между завалами. В воздухе клубились тучи пыли – было нечем дышать. Внутренний голос говорил ему: «Ищи место, где можно спрятаться».

Плут перелез через угловатый камень, поцарапав ладони и ободрав колени. Куда ни глянь, повсюду громоздились гигантские обломки зданий: полуразбитые арки, обрушившиеся стены, накренившиеся под опасным углом столбы и колонны, упавшие кровельные балки. На фоне иссиня-чёрного неба руины напоминали рёбра громадного скелета.

Горячая волна воздуха окатила раскалённые камни со свистом, похожим на гниlostное дыхание беззубой старухи гоблинши. Солнце, еле проглядывавшее из-за туч, закатывалось за горизонт, небо темнело, но жара не спадала. Плут вытер пот со лба. Было очень трудно дышать. Голова раскалывалась от боли, ныла каждая косточка, он боялся остановиться хоть на секунду, чтобы передохнуть.

Вой приближался, голоса слились в зловещий хор. Визг и рёв, завывания и урчание неслись со всех сторон. Нужно было срочно где-то спрятаться.

Впереди Плут заметил каменистую осыпь и остов разрушенной арки. Под обломками виднелась узкая щель, можно было попробовать вползти в неё, надеясь, что там никто не живёт. Плут проверил свою экипировку: фляга с водой, крюк для скалолазания, записная книжка, целебный бальзам, нож...

Разноголосый хор слышался совсем близко, душераздирающий рёв смешивался с шуршанием склизкой кожи о гальку. Плут нервно сглотнул слюну. Началась охота!

Вытащив нож, Плут бросился к щели. Встав на колени, он просунул голову внутрь и прислушался. В пещере никого не было. В нос ему ударил сухой пыльный дух раздробленной породы.

Кровожадные создания завывали ещё яростнее...

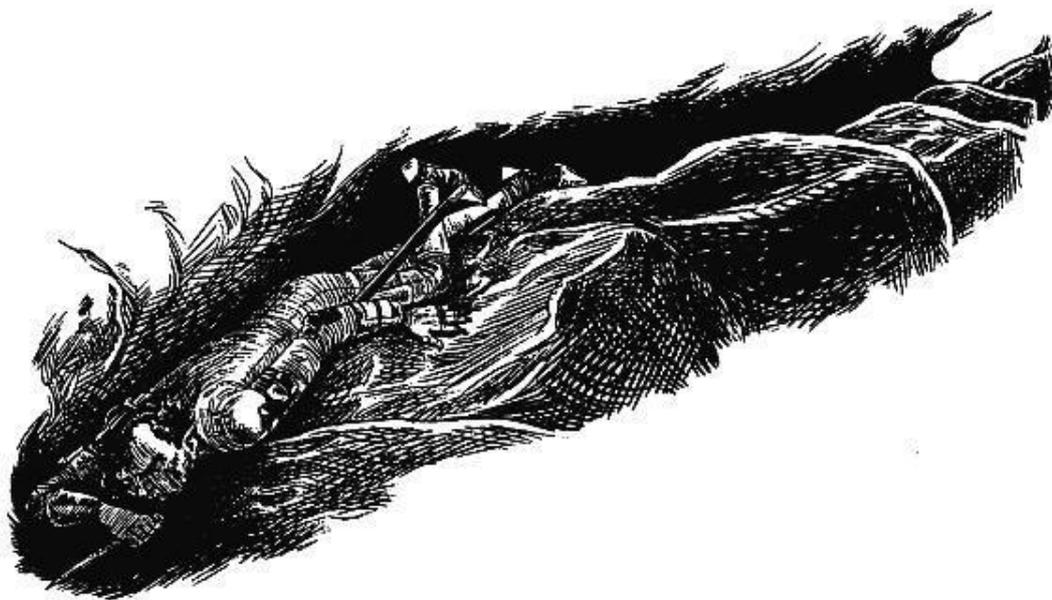
– Да помогут мне Земля и Небо! – пробормотал Плут, ныряя в своё убежище.

Внутри щель оказалась уже, и чем дальше он пробирался во тьме, тем больше смыкались стены. Вскоре Плуту пришлось двигаться ползком. Стены давили ему на рёбра, полной

грудью дышать было невозможно. От напряжения Плута била крупная дрожь, тело ломило, пот катился градом. Он чуть было не потерял надежду выбраться из гнусной щели.

– Ещё чуть-чуть, – подстёгивал он себя. – Ещё капельку!

Но дальше путь преградили тяжёлые глыбы. С невероятным усилием Плут развернулся, ободрал коленку и, забыв о резкой боли, попытался зарыться с головой, чтобы звери не учуяли его. Он пригребал к себе гравий, одежда его рвалась, пыль облепила потное лицо.

Не успел Плут спрятаться, как послышался топот и шарканье чьих-то ног: кто-то пытался влезть в щель. Плут замер. Шорох стал громче. Затем раздался каменный скрежет. То ли хобот, то ли коготь, то ли щупальце явно шарило внутри, пытаясь нащупать скрывающуюся жертву. Плут нервно закусил губу.

Шум прекратился, потом снова кто-то стал царапаться, и шорохи затихли. Издалека донёсся глухой звук – какое-то крупное существо, тяжело топая и рыча от ярости, уходило прочь: добыча ускользнула от него. Яростный вой постепенно стихал, охотники за дичью переместились в другое место.

Убедившись, что опасность миновала, Плут начал потихоньку выползать из расселины, каждое движение давалось ему с трудом. У выхода он отодвинул валуны, набросанные его преследователем, и наконец оказался снаружи, в пыли с головы до ног. Смахнув едкую грязь с губ, он жадно вдохнул вечерний воздух и внимательно огляделся, готовый в любой момент нырнуть обратно в щель. Земля колыхнулась под ним, и от толчка поднялись тучи пыли.

«Пора уносить ноги», – мрачно подумал Плут.

За ним грозно нависала Санктафраксова скала, а перед ним врезались в небо башни северного района Нижнего Города. Справа и слева среди развалин торчали остовы зданий, похожие на деформированные скелеты. Каменные глыбы, наваленные как попало до самого горизонта, не позволяли нормально двигаться, разве что карабкаясь на четвереньках.

Плут хорошо помнил наставление: проверяй каждый камень до того, как ты поставил на него ногу. Если соберёшься прыгать, внимательно присмотришься, где ты сможешь приземлиться.

Взбираясь на первую груду каменных обломков, Плут обливался потом и пыхтел, как загнанный шрайками живопыр после долгого патрулирования. Остановившись, чтобы распрямить спину, он увидел Северные башни, маячившие вдаль. День клонился к вечеру, обещая малопривлекательную перспективу остаться на ночёвку в Тайнограде. Плут с трудом сглотнул слюну.

Тут земля под ногами дрогнула, и мощный толчок свалил Плута с ног. Чёрная пыль закрыла закатное солнце, залепила глаза, забила рот. Съёжившись, Плут ждал прекращения толчков.

Мало-помалу крошево, витавшее вокруг, осело. Во влажном, разгорячённом воздухе ещё кружились облака пыли, но ураган миновал. Плут поднялся на ноги, коленки у него плясали.

Рядом с ним обнаружилась искорёженная статуя одного из крупных ремесленников Нижнего Города: фигура стояла, накренившись под тупым углом, отбитый у запястья обрубок руки был направлен в небо. В развалинах лежал массивный кусок скалы, напоминающий сжатый кулак. Плут поднял глаза. Больная Санктафраксова скала, опутанная строительными лесами-подпорками, походила на изъеденное червями дубяблоко.

Плут совсем собрался двинуться дальше, но остановился, похолодев от горя.

– Нет! – воскликнул он. – Этого не может быть!

Только от правды никуда не денешься. В десяти шагах на земле валялся его «Буревестник». Мачта, сломанная пополам, обуглилась и почернела, паруса изодраны в клочья... Обры-

вок крепёжного каната... а нос, нос небохода... Плут дотронулся до деревянного корпуса, и его худшие опасения подтвердились. Шея «Буревестника» была сломана пополам. На месте гладкой древесины торчали острые щепки, а гордая голова, освещённая лучами заходящего солнца, болталась сбоку, еле держась на редких тоненьких волокнах.

У Плута комок застрял в горле. Паруса можно было бы заменить, канаты тоже. Даже мачту новую можно было бы поставить... Но шею починить невозможно... Если у корабля сломан ростр, судно утрачивает свой боевой дух. «Буревестник» не сможет больше летать.

Плут опустился на колени. Он бережно приподнял деревянную голову птицы и крепко обнял свой искалеченный небоход. В памяти у него всколыхнулись дни, проведённые на Вольной Пустоши. Ему вспомнился лесной тролль, резчик по дереву Окли Граффбарк, который помог ему найти фигуру буревестника – его «Буревестника», скрывавшегося в бревне, потом долгий процесс изготовления лака для покрытия корпуса в Садах Света, установка парусов и такелажа... Мало-помалу ему удалось самому изваять эту птицу и научиться летать на ней...

– Я выточил тебя из дерева, – прошептал Плут сдавленным голосом. – Я дал тебе имя. Мы вместе бороздили небо – ты и я. – Он всхлипнул. – Прощай, мой друг. – Грудь у Плута сдавило, будто каменной плитой. – Прощай, «Буревестник».

Плут понимал, что душа покинула его гордую птицу. С тяжёлым сердцем он поднялся и пошёл прочь.

Назад он не оглянулся.

Плут, выбиваясь из сил, медленно брёл вперёд. С каждым шагом ему становилось всё труднее дышать, воспалённая слизистая оболочка во рту, кажется, уподобилась тем буграм и рытвинам, по которым он пробирался. Снова и снова ему приходилось преодолевать глубокие воронки среди нагромождения неровных глыб: он то спускался в каменистые ямы, то поднимался на гребень разлома, и каждый раз, взлезая на новую кручу, Плут надеялся, что башни Нижнего Города станут ближе.

Однако башни не приближались ни на пядь. Кроме того, темнело, и это было хуже всего.

«Только не теряй головы! – говорил Плут себе. – В Тайнограде можно выжить, даже оставшись здесь на ночь. Главное правило тренировок – это спокойствие. Да помогут мне Земля и Небо!»

Очередной грозный рёв, эхом пронёсшийся над каменной пустыней, возвестил: ночные жители Тайнограда отправлялись на охоту.

Плут достал флягу и, приложив горлышко к губам, вспомнил, что она давно пуста.

«Дурак!» – обозвал он сам себя. Варис была бы им недовольна, если б узнала, как нелепо он распорядился своими скудными запасами. Плут с огорчением покачал головой. Быть может, ему удастся обнаружить какой-нибудь источник и наполнить сосуд... а до тех пор...

Юноша подобрал круглую гладкую гальку и сунул её в рот. Он думал, что от камешка рот наполнится слюной и она освежит воспалённое горло. Но фокус не удался. Плут с отвращением выплюнул липкий камешек и отправился дальше. Безумная жажда мучила его, и он не знал, как её утолить.

Было нестерпимо жарко. И душно. Плут вытер пот со лба и слизнул солёные капельки с пальцев. От этого ещё больше захотелось пить.

Он знал, что в Тайнограде должна быть вода. Необходимо лишь найти источник. Наверняка под землёй ещё остались колодцы, влага где-то копится, и нужно обнаружить уровень грунтовых вод. Это не так сложно, основные приметы: мох, трава, чахлые низкорослые кустики, чьи корни, проникшие в водоносный горизонт сквозь трещины, были бы верным знаком того, что здесь течёт подземная река, куда чудища Тайнограда ходят на водопой.

С усилием двигаясь вперёд, Плут всё явственнее слышал разноголосые крики ночных существ, их подхватывало гулкое эхо в духоте надвигающихся сумерек. Он миновал покосившуюся башню. Её прекрасный купол был разбит, и одного сегмента не доставало, будто какой-то великан откусил кусок колоссального размера. Краем глаза Плут заметил, что кто-то шевельнулся слева от него и уполз в темноту. Плут поспешил дальше.

Он миновал упавшие колонны временного навесного моста, прошёл под полуразвалившимся виадуком, быки и сваи которого, стоявшие в два ряда, казалось, вот-вот упадут; пролез сквозь нижнее окно высокого шаткого дома, от которого остался лишь фасад, и попал на террасу из вздыбленных серых плит – когда-то из них была сложена кровля, теперь же они образовывали шаткий пол. Стоило поскользнуться – и он провалился бы в разверстую яму, открывшую свою жадную пасть, чтобы поглотить его навсегда. Если он упадёт, никто не будет его искать, и только мусорщики, быть может, наткнутся когда-нибудь на его кости.

Башни Нижнего Города маячили перед ним теперь уже на фоне сумеречного неба. Пыхтя от напряжения, Плут, весь в ссадинах и синяках, оскальзывался и падал, обдирая колени. Он думал, что дела обстоят хуже некуда, но горько ошибался. На сей раз Плут действительно попал в переплёт. Что-то зашевелилось рядом с ним, и он понял, что в Тайнограде можно ожидать чего угодно.

Нечто лежало на плоской плите: ярко-синее, покрытое всклокоченным мехом. Плут медленно двинулся вперёд, от страха в висках у него стучало. По тонкому хоботку с клювиком на конце и загнутым коготкам юноша сообразил, кто это.

– Лемкин! – ахнул он, перевернув разорванное тельце кончиком сапога.

Из пустых глазниц и открытого рта мёртвого животного посыпался мелкий песок. Плут отвернулся, и случайно взгляд его упал на пятнышко серо-зелёного мха, растущего на скале. Вода должна быть где-то рядом! Быть может, бедный лемкин пришёл сюда на водопой и погиб, не сумев добраться до источника. Плут вытащил меч и насторожённо взгляделся во тьму.

Слева от себя он услышал тихое журчание. Вода! Он слышал шум воды! Наверное, здесь был природный источник или разорвавшаяся водопроводная труба. Плут поспешил в том направлении, откуда раздавался плеск. Рот у него пересох от жажды, голова шла кругом. Мысль о прохладной, освежающей влаге притупила чувство опасности.

Он перелез через округлый валун, похожий на пасущегося ежеобраза. Рядом, вырываясь наружу меж двух поросших мхом серых камней, тёк еле заметный ручеёк: ненадолго показывался над поверхностью и снова прятался в землю. Растоптанные грязные лужи вокруг источника как бы подтверждали, что жители Тайнограда приходили сюда на водопой – и хищники, и их жертвы. Плут только что видел трупик бедного лемкина, и у юноши не было ни малейшего желания повторить его печальную судьбу.

Плут наклонился над родником. Держа наготове меч, он сложил горстью ладошки и зачерпнул воды – и раз, и другой, и третий...

Никогда в жизни вода не казалась ему такой вкусной!

Утолив жажду, Плут отвинтил крышку своей фляги и опустил её в источник. Он смотрел на булькающие пузырьки воздуха, пока фляга наполнялась чистой, свежей водой, затем тревожно огляделся.

«Что это там мелькает во тьме? – подумал он, и сердце у него ушло в пятки. – И откуда такой мерзкий запах? Удушливый, едкий... Надо поторопиться...»

Плут уже собрался привязать флягу к поясу, как вдруг услышал странный шум позади. Кто-то, мягко ступая, подбирался к нему. Отвратительный запах ударил в нос.

Плут схватился за меч. Но поначалу никого не увидел, только камни и тени.

Юноша пытался убедить себя, что сзади никого нет. Что это игра больного воображения.

Он напрасно успокаивал нервы: в следующую секунду что-то блеснуло во мраке. Щупальце, влажное, прозрачное щупальце высунулось из щели и, извиваясь, шарило по поверхности камня. Пока Плут в оцепенении наблюдал за ним, из трещины высунулось второе щупальце. Присосавшись к плите, кто-то пытался подтянуться. В тот же миг из щели показалась блестящая влажная голова желеподобного существа. Существо протиснулось сквозь отверстие, вытекая из щели как струйка тильдячьего жира из расколотого бочонка.

– Земля и Небо! – воскликнул Плут, отступая назад.

С хлопанием склизкое тело желеобразной твари выползло из щели целиком. Колыхаясь и подрагивая, бесформенная масса стала приобретать свои первоначальные контуры. К горлу у Плута подступила тошнота. Он узнал эту тварь: три выступа на лбу с кулак величиной, где прятались мерцающие во тьме глаза, скользкая прозрачная шкура, под которой видны пульсирующие вены, осторожные щупальца, болтающаяся складка с фестонами на брюхе, массивное тело, подрагивающее от предвкушения плотного обеда...

– Камнеед! – прошептал Плут.

Он много читал об этих тварях, и всегда описание этих монстров вызывало чувство тошноты. И теперь, когда он увидел склизкую прозрачную тварь воочию, его едва не вывернуло наизнанку.

С громким чвяканьем камнеед переползал через глыбу. Его сверкающие круглые глаза буравили тьму. Плут отступил ещё на шаг. Чудовище уцепилось за край плиты, хлопнуло складкой с фестончиками на брюхе и легко встало на ноги, как будто вес для него ничего не значил. Тварь, содрогаясь, пульсировала при каждом шаге, делая вдохи и выдохи, похожие на мычание, – раз-два, раз-два, – она шумно всасывала и выпускала из себя воздух, горячий, как жар доменной печи.

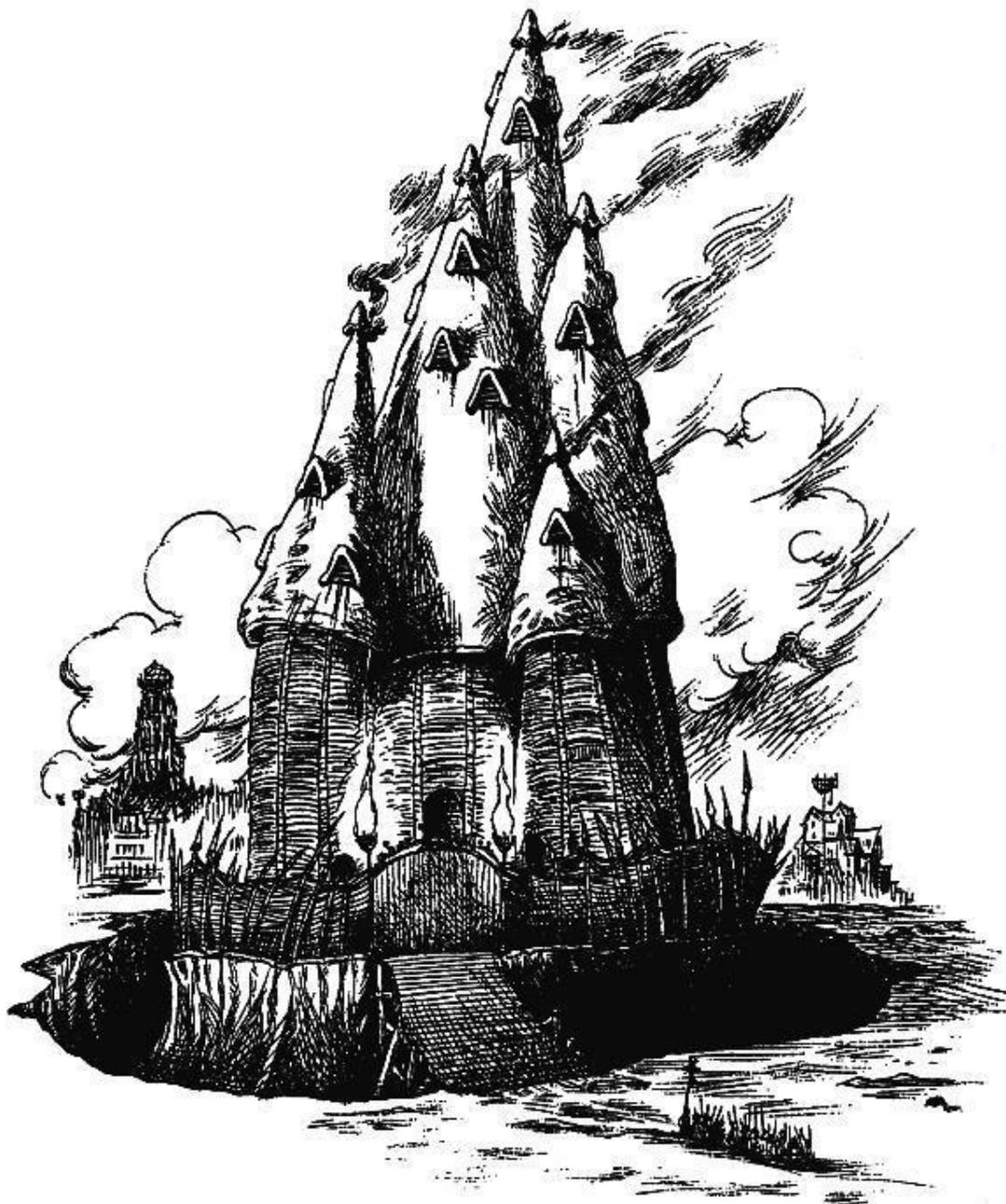
Плут опять отступил. Тварь подошла ближе. Её явно мучила жажда. И тут Плут вспомнил, что камнееды всегда страдают от жажды, но им не нужна пресная вода. Они напитывают свой организм влагой, высасывая кровь из своей жертвы – всё, до последней капельки. Им всё равно, какая добыча попадётся им в лапы: лемкин или Библиотечный Рыцарь.

Плут сделал ещё шаг назад и упёрся в стену. Он попался. Перед ним колыхалась хлюпающая туша. Туда-сюда, туда-сюда. Горячий воздух обжигал лицо, дышать было нечем. От зловония Плут заткнул нос.

Продолжая пульсировать всем телом, чудище отклонилось, и взору юноши открылось огромное отверстие посреди подрагивающего брюха. Онемев от ужаса, Плут смотрел, как оно расширяется. Из дыры вырвались веерообразные ярко-розовые щупальца с присосками и, извиваясь как змеи, заплясали в обжигающем воздухе.

Плут побелел как полотно. Что он мог сделать?

Как кучка ядовитых поганок, выросших на лужайке зловещего Нижнего Города, поблёскивали похожие на улы башни: штаб генерала Титтага и его сподвижников – молотоголовых гоблинов. Фонари были зажжены, и внутри башен тоже горел свет. Тусклый, мерцающий огонь пробивался сквозь крохотные окна в стенах и конической формы крышах. Пыхали факелы, прикреплённые к опорам Врат Отчаяния, заслуживших дурную славу. Отвратительный запах

горящего жира смешивался с общим зловонием – отовсюду несло плесенью, затхлостью и нечистотами.

Внутри этого мрачного сооружения располагался просторный, по-спартански обставленный зал. В центре его жарко пылал костёр, сложенный из поленьев вонючего дерева, любимого топлива гоблинов. От неистовых всполохов в зале было жарко, от головней валил удушливый дым. Над жаровней висели клокочущие котелки с каким-то варевом, вокруг которых сновали рабы-кучкогномы, прикованные длинными цепями к полу. Винтовые лестницы по внешним стенам соединяли башенные площадки на разных этажах – внутренних стен в Ульеподобных Башнях не было.

Повсюду всё бурлило, кишели молотоголовые гоблины, буйные и громкоголосые, каждую секунду готовые затеять драку. Даже спящие в гамаках, подвешенных к стропилам, громко сопели, храпели и неистово бранились во сне.

Кто-то стоял в карауле, охраняя ворота, другие что-то жевали, устроившись в тихом углу, третьи, усевшись на деревянные скамьи, чистили мундиры, чинили сапоги, смывали кровь с мечей и точили лезвия смертоносных боевых кос.

Когда худосочная рабыня из рода кучкогномов пробежала мимо с кружкой молока в руке, какой-то татуированный верзила с кольцом в носу подставил ей подножку. Рабыня споткнулась и упала ничком, уткнувшись носом в гнилую, затхлую солому. Кружка разбилась, и молоко ежеобразно растеклось по полу.

– Вылижи языком, вонючая дрянь! – рявкнул молотоголовый гоблин.

Снаружи, у стен башни, толпилось около десятка гоблинов, затеявших шуточную борьбу: их массивные тела были испещрены рубцами и шрамами, гоблины были увешаны оружием с головы до ног. Дрались они так свирепо, что сражение походило на настоящую бойню.

Только что вернувшийся батальон гоблинов-охранников протопал по лестнице к забитому до отказа арсеналу с солидными запасами трофейного оружия. Их торжествующие вопли огласили зал.

– Пусть это послужит им уроком! – гаркнул один из стражей. – Разве могут ублюдки из Нижнего Города тягаться с нами? О чём они думают, производя оружие у нас под носом?

Его сосед хмыкнул:

– А ты слышал, как визжал мастер с оружейного завода, когда мы его повязали? Ну прямо как резаная свинья!

– И кровящи с него натекло как из свиньи, – подхватил третий гоблин.

– Впрочем, трофейное оружие может нам пригодиться, – пробурчал первый гоблин, указав на охапку боевых кос, мечей, булав и арбалетов. – Говорят, ожидается пополнение из Гоблинова Гнезда.

Поднимавшиеся следом гоблины презрительно ухмыльнулись.

– Из Гоблинова Гнезда? – гоготнув, переспросил кто-то из них и смачно плюнул в лестничный пролёт.

– Да они все мягкотелые недоумки, – отметил другой, – деревенщина. Живут на отшибе, как эти придурки с Вольной Пустоши.

Каждый уважающий себя молотоголовый гоблин гордился своей свободой и независимостью. С саблей на боку и заплечным вещмешком гоблин легко снимался с места, готовый к походу. По крайней мере, так было раньше. Некоторое время тому назад гоблины, соблазнившись оседлым образом жизни, основали постоянные поселения в Гоблиновом Гнезде: стали купцами, охотниками, а кое-кто даже занялся земледелием!

– Ничего, генерал Титтаг быстро всех построит! – раздался чей-то голос с верхней площадки, и весёлая братия, предвкушая прибытие новобранцев, радостно загоготала. Гулкое эхо, отразившись от башенных стен, повторило их смех.

Генерал Титтаг не слышал ни хриплого хохота, ни топота сапог, чем солдаты высказали своё одобрение. На открытой площадке второго этажа он с пристрастием допрашивал пленного.

– Сейчас ты мне всё расскажешь, Хафнот, – хриплым голосом прошипел генерал, так крепко дёрнув за волосы бедного дрыготролля, что у того захрустели шейные позвонки. – Иначе тебя ждёт вот это, даю тебе честное слово. – Титтаг вытащил длинную ржавую булавку из лацкана своего кожаного френча и приблизил её к лицу перепуганного насмерть дрыготролля.

– Да я... я ничего... я ничего не знаю... – бормотал пленник, звеня цепями. – Совсем ничего. Клянусь. Я мальчик на побегушках и только исполняю приказы тех, у кого в подчинении...

– Так-так-так, – поцокал языком генерал, качая головой. Он легко процарапал остриём булавки толстый нос дрыготролля. – Ты меня разочаровал, Хафнот. Глубоко разочаровал. – Голос генерала приобрёл железные нотки. – И мне это не нравится.

– Поверьте мне, я говорю чистую правду, – умоляюще произнёс дрыготролля.

– Когда ты действительно будешь говорить правду, быть может, я тебе и поверю, Хафнот, – сказал генерал. Он обернулся и внимательным взглядом изучил три маленькие баночки, поставленные в ряд на ящике. Выбрав одну из них наугад, генерал откупорил крышку и понюхал густую оранжевую жидкость. – Интересно, как она действует?

Широко раскрыв глаза и дрожа всем телом, Хафнот наблюдал, как генерал погружает булавку в сосуд. Когда булавка была извлечена из банки, на острие застыла крохотная капелька оранжевой смеси.

– Дай сюда руку! – скомандовал генерал.

Хафнот подчинился приказу. Кандалы, сковывавшие запястье, зазвенели. Генерал схватил пленника за руку и, вогнав булавку ему под кожу, отступил на шаг – посмотреть, что будет дальше.

От укола сразу же началось жжение, и бедняга беспомощно смотрел, как рука распухает всё сильнее и сильнее.

– Интересно, – подытожил генерал. – Прости меня, Хафнот, но ты, кажется, сказал, что в этих баночках косметические средства для шраек. Бальзам для перьев, блеск для клювов, крем для лап... – Он ткнул пальцем в раздувшуюся руку. – Пожалуй, это скорее похоже на яд...

Лицо Хафнота исказилось от боли.

– Я... я ничего не знаю... Она мне сказала...

– Она – это кто?! – грозно вскричал генерал.

Молотоголовые гоблины, заполнявшие верхние и нижние площадки, разом замолчали, обернувшись на крик: громовой голос генерала перекрывал шум толпы.

– Я... я не знаю её имени... – прошептал Хафнот.

Не говоря ни слова, генерал схватил вторую баночку, вытащил пробку и окунул булавку в раствор. На этот раз после укола кожа дрыготролля покрылась красными пятнами от плеча до кончиков пальцев. Через секунду сыпь превратилась в маленькие гноящиеся волдыри. Титтаг снова опустил булавку в жидкость и на сей раз поднёс её к лицу Хафнота.

– Гестера, – выпалил тот. – Гестера Кривошип.

– Так я и знал, – торжествующе заревел генерал. – Гестера Кривошип! – Он со вкусом повторял её имя. – Гестера Кривошип! Старая ведьма, которая прислуживает этому выжившему из ума паралитику, Воксу Верликсу!

Генерал обернулся и призвал к себе кого-то из молотоголовых стражей – тот, расположившись на деревянной скамье, закалял над огнём железные болты своего арбалета.

– Эй, Головня, – гаркнул генерал, –ставляю тебе бочонок древесного грога! Этот малый подослан сюда из Дворца Статуй!

Молотоголовый боец ухмыльнулся беззубым ртом.

– Рад служить, сэр, – отозвался он.

Генерал повернулся к Хафноту. Лёгкая улыбка заиграла на его тонких губах, обнажая редкие гнилые зубы.

– Похоже, с тобой я напал на золотую жилу, – хмыкнул он.

– Я ничегошеньки не знаю, честное слово. Я её раб. Я делаю то, что мне велят, – хныкал дрыготроль. – Мне приказали отнести баночки шрайкам, а взамен получить флакон и доставить его обратно.

Генерала передёрнуло.

– Когда-нибудь я им всем сверну шеи. Они своё получают... – Он поднял горящие глаза и уставился на пленника. – А что было во флаконе?

Хафнот пожал плечами:

– Откуда мне знать? Ваша стража схватила меня до того, как я...

Генерал сплюнул.

– Нет сомнений, это связано с Воксом Верликсом, – заревел он. – Я давно хочу нанести визит этой жирной туше. – Он пробежал пальцами по лезвию своего ножа. – Надо кончать с ним. Пора показать ему, кто истинный хозяин Нижнего Города. – Генерал нахмурился. – Если бы я только мог пробраться во дворец, в эту чёртову крысоловку!

Титтаг замолчал и, насупившись, глянул на Хафнота.

– Постой-ка! – Зловещая улыбка заиграла на его тонких губах. – Ты говоришь, что ты раб Гестеры. Значит, ты отлично знаешь все входы и выходы во дворце Вокса. Тебе известно, где расставлены капканы и как избежать их. Если, например, – он хитро взглянул на несчастного дрыготролля, – какой-нибудь гoblin захочет нанести неожиданный визит так называемому Верховному Академику, как ему попасть в его личные покои?

– Неожиданный визит? – дрожа, переспросил дрыготроль. – В личные покои? Я... я всего лишь кухонный раб...

Генерал взял третью баночку и вытащил пробку. В воздухе запахло чем-то едким: разило гнилью перезревшей дубосмакли и несло киселью тильдячьего молока. Дрыготроль стал белым как простыня, когда генерал погрузил булавку в чёрную жижу. Трижды взболтнув баночку, он подошёл к пленнику и стал размахивать дымящейся булавкой в нескольких дюймах от его носа.

– Нет, нет! – завопил Хафнот. – Только не это! Умоляю вас! Ну пожалуйста, не надо! Я всё скажу. Всё, от начала и до конца.

Взмахнув мечом, Плут принялся бить желеподобного монстра, который возвышался над ним, широко разинув пасть с извивающимися как змеи присосками. Усилия были тщетны. Складка с оборками на брюхе чудовища задрожала, и камнеед проглотил Плута целиком. Ощущение было такое, будто его окунули в кипящую смолу.

Плут даже крикнуть не успел. Он едва дышал. Щупальца присосались к его лицу, опутали руки и ноги. Юноша пытался сопротивляться и не мог даже пошевелиться. Меч вывернуло из

его слабеющих пальцев... Скоро сердце перестанет биться, и присоски сделают своё гнусное дело. Камнеед высосет из него всю кровь, и он станет похож на подвешенную на крюке тушу ежеобраза.

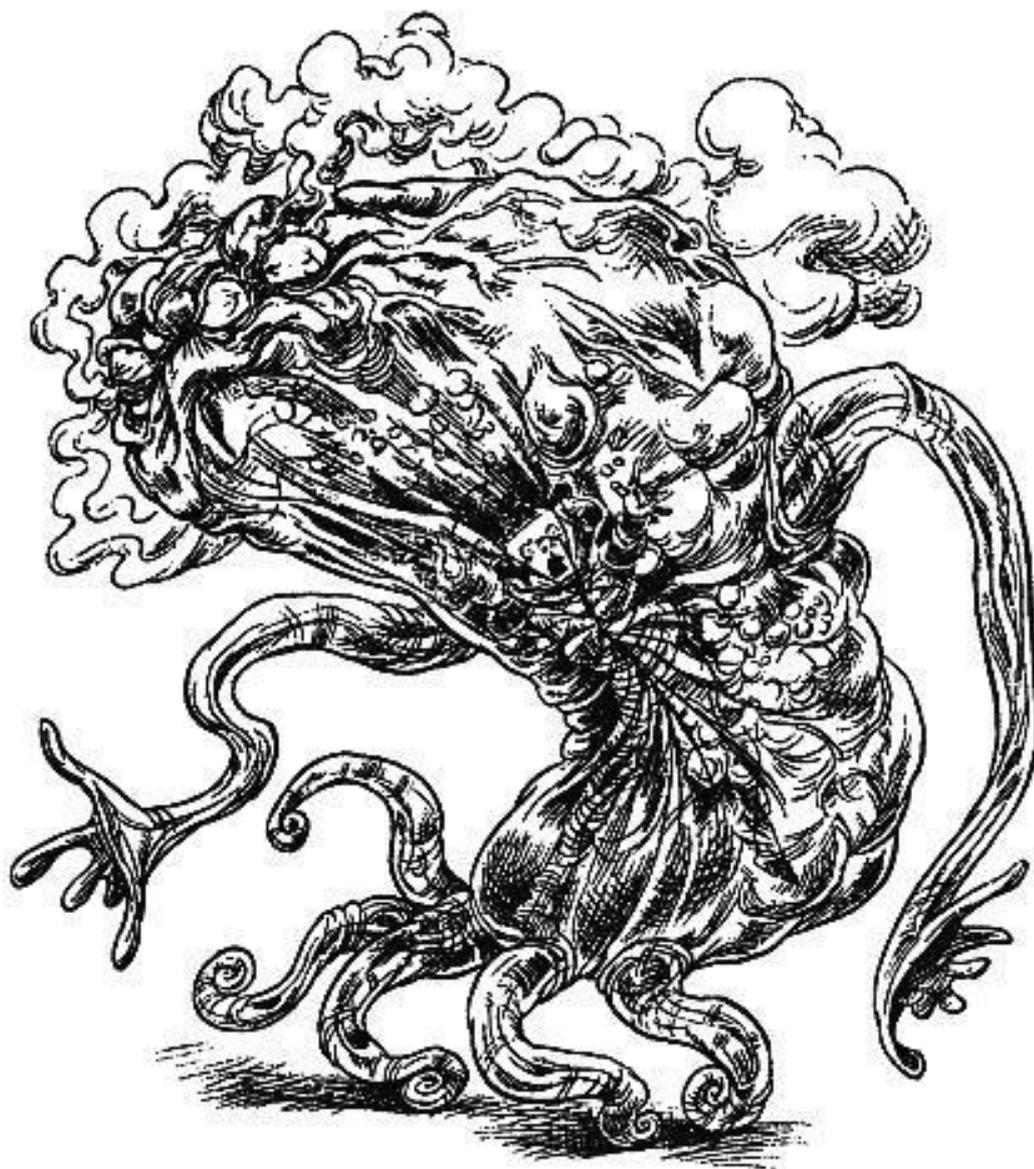
Плут беспомощно озирался, глядя сквозь желейную плоть душасшего его чудовища. Он с трудом различил башни Нижнего Города. Острый приступ отчаяния охватил его: башни казались ещё дальше, чем прежде...

Вдруг раздалось шипение, камнеед затрясся, и рот его раскрылся от невольного спазма. Чудовище выплюнуло Плути с такой силой, что тот, вылетев из пасти, плюхнулся на гальку около ручейка. Затем последовал очередной приступ рвоты, и тварь в корчах извергла из себя какой-то круглый кожаный предмет, который чуть не ударил юношу по голове. Плут посмотрел на землю. Рядом с ним лежала его фляга, в ней не было ни капли.

В ту же минуту камнеед, испустив душераздирающий вопль, посинел, затем покраснел, из глаз у него с пронзительным свистом потекли струйки пара. Прозрачное тело запузырилось и забулькало, как кипящая вода в огромном котле. Из пасти задыхающегося монстра выскочил стеклянный пузырёк и разбился о камни.

– Настойка от Реющего Червя, – пробормотал Плут.

В походную аптечку Библиотечных Рыцарей обязательно помещали противоядие от укусов Реющего Червя, печально известного хищника из Дремучих Лесов. В Нижнем Городе эти твари практически не водились, и всё же маленький флакончик считался здесь чем-то вроде оберега. Средство от укусов Реющего Червя, снимающее боль и воспаление, оказалось смертельным для камнеда.

Испустив последний вздох, монстр плюхнулся на землю. Он испарялся, теряя свой облик, и вскоре от чудовища не осталось ничего, кроме тонкой сухой шкурки с мечом Плуто, воткну-тым посередине.

Рыцарь вскочил и подошёл к плоскому камню, на котором валялись останки камнееда. На жарком влажном воздухе от монстра не осталось ничего, кроме пригоршни пыли. Плут отвернулся, пошёл прочь, но тут что-то привлекло его внимание, и он остановился.

Не что-то, а кто-то вырисовывался перед ним на фоне темнеющего неба. Плут рухнул на колени. Он ушёл от погони, оставшись целым и невредимым, выжил, чуть не погибнув от жажды, спасся, когда его живьём проглотил камнеед, и теперь его снова загоняли в угол?

– Я больше не могу, – пролепетал он. – Сдаюсь...

Перед ним возникла фигура с протянутой рукой.

– Хорошо, что Варис этого не слышит, – раздался знакомый голос.

Глава третья

Провалившийся дворец

Плут не мог поверить своим ушам. Он узнал голос! Прикрывая глаза ладонью, юноша украдкой посмотрел на говорящего. Всклоченный белокурый чуб, вздёрнутый нос, брови дугой и ярко-синие глаза.

– Феликс? – пробормотал Плут. – Ты? Не может быть...

Перед ним, в полном великолепии боевых доспехов – кольчуги из отбелённых костяных пластин и серых панталон из шкуры головонога – стоял его друг Феликс Лодд.

К поясу у него были прикреплены кожаные патронташи и мотки кожаных ремней. На боку висел острый зазубренный нож, а рядом с ним – зачехлённый серой тканью увесистый арбалет. В мышино-пепельном мраке Тайнограда высокая фигура со светлыми волосами, облачённая в белёсые одежды, казалась призрачной.

– Наверное, я похож на привидение, – засмеялся Феликс, будто прочёл мысли Плута. – Однако я, мой друг, вполне реален.

– Феликс! – воскликнул Плут, обнимая товарища. – А я думал, ты давно погиб. Мы все так считали. Даже Варис. Она сказала, что никто не может выжить в Тайнограде.

– Мне, конечно, неприятно разочаровывать свою сестру и вас всех, учёных библиотекарей, – ответил Феликс с улыбкой, – но в Тайнограде можно жить, разумеется, если ты не будешь подолгу болтать с подружками у колодца, как две старухи прачки, затеявшие стирку. – Он подмигнул Плуту. – Ну, пошли отсюда, мой дорогой друг. Сегодня я приглашаю тебя на ужин в Провалившийся Дворец.

Плут, карабкаясь по валунам, поспешил за ним.

– Подожди меня, Феликс, – задыхаясь, крикнул он. – Не так быстро!

Ночь приближалась, тени растворялись во мраке, сливаясь с чёрной мглой, а Феликс уверенно прокладывал путь, хорошо ориентируясь на местности, заваленной грудями камней. Плут старался не отставать, насколько позволяла ему сноровка, хотя и спотыкался, и падал, задерживая своего друга. Когда Плут безнадежно отставал от Феликса, тот, снисходительно улыбаясь, терпеливо дожидался его, облокотившись о валун или небрежно опершись о поверженную колонну. Переход был тяжёлым: от жары и пыли силы Плута начали иссякать, он еле дышал.

– Сейчас нас уже много, – пояснил Феликс, когда Плут нагнал его в очередной раз. – И мы не раболепствуем ни перед кем, будь то шрайки, Стражи Ночи или гоблины. – Он улыбнулся. – Мы называем себя Духами Тайнограда.

– Теперь мне понятно почему, – пробормотал Плут, еле переводя дух. – Чем же вы занимаетесь в этом ужасном месте?

– Охотимся на головоногов, – со смехом отвечал Феликс. – И прочее.

– Что, например? – настаивал Плут, в изнеможении тащась за ним.

– Ну, – поразмыслив, откликнулся Феликс, – иногда мы, Духи Тайнограда, совершаем рейды, чтобы освободить несчастных бедняков из Санктафраксова Леса. Мы приводим их в Нижний Город к Библиотечным Учёным, и те помогают переправить их на Вольную Пустошь. Иногда, чтобы пощекотать нервы, я сижу в засаде, выслеживая патруль Стражей Ночи. А всё остальное время охочусь или ставлю капканы. Мне всё равно, на какого зверя идти – на диких лемкинов, прячущихся в руинах Тайнограда, или на головоногов, обитающих в канализационных трубах. – Сделав паузу, Феликс оглянулся. – Поосторожнее, Плут. Дорога здесь не очень надёжная...

Плут мрачно кивнул. Он старался не вешать носа.

Они нырнули в глубокую расселину и оказались рядом с треснувшей рифлёной колонной, лежавшей на боку. Рядом с ней Плут увидел покосившуюся статую, обрубком руки она указывала в небо.

– Я знаю эту статую, – разочарованно выпалил Плут. – Значит, всё время мы шли в обратную сторону и вернулись туда, откуда я начинал путь?

Феликс не ответил. Пройдя ещё немного, он плечом отодвинул массивную глыбу и указал своему товарищу на узкий тоннель, открывшийся за нею.

– Нам туда, – сказал он.

Плут шагнул за Феликсом и подождал у входа в тёмный лаз, пока Феликс не вернул глыбу на место.

– Я поведу тебя, – прошептал Феликс. – Положи руку мне на плечо.

Плут подчинился приказу и, шаркая ногами, осторожно двинулся следом. Почва была неровной, и тоннель круто спускался вниз. Цепляясь за Феликса, Плут еле удерживался на ногах, тем не менее они двигались вперёд. Стало прохладнее, а влажный воздух был пропитан отвратительными ядовитыми испарениями, и вонь усиливалась с каждым шагом. Если бы Плут был один, он бы непременно повернул обратно, но с Феликсом – в первый раз с момента крушения – он чувствовал себя в безопасности.

Под ногами Плут нащупал твёрдый гребень, похожий на звёздный камень. Тут Феликс вдруг оторвался от Плута, и рука того провалилась в пустоту.

– Ты что, испугался? – послышался голос Феликса.

Плут почувствовал прикосновение руки друга, с благодарностью схватил её и, робея, шагнул вниз. Дальше была ещё ступенька, за ней – ещё... Потом длинный переход под завалы. Омерзительный запах стал нестерпимым.

– Какая чудовищная вонь! – прошептал Плут. – Что это?
– Гнездо птицекрысов, – шёпотом отозвался Феликс. – И поверь мне, это самый приятный аромат в Тайнограде.

Плут прислушался к писклявым крикам над головой, и, когда поднял глаза, ему показалось, что стены и потолок ходят ходуном. Там гнездились сотни, тысячи гнусных существ.

– В каждом приличном доме обязательно должно быть гнездо птицекрысов, – сказал Феликс, и от звука его голоса тучи этой нечисти подняли тревожный гомон. – Если кто-нибудь из малоприятных аборигенов соберётся нанести нам визит, птицекрысы обязательно предупредят нас.

Ступеньки кончились. В полной темноте они теперь шли по какому-то древнему коридору. Феликс – впереди, а Плут всё так же семенил вслед за ним.

Вскоре они оказались рядом с занавесом из толстой звериной шкуры. Когда полог был отодвинут, за ним открылась резная поперечная балка, венчавшая дверной проём. Плут заглянул внутрь и ахнул.

Он стоял у входа в огромный зал. Широко раскрыв глаза от изумления, он прошёл внутрь вслед за Феликсом. Несмотря на грязные стены и почерневшие от копоти перекрытия, зал сохранил былое величие. Мраморные колонны подпирали высокий сводчатый потолок, с которого свешивались старинные лампы, а на полу была выложена мозаика. Явно это здание когда-то принадлежало какому-нибудь значительному лицу: или богатому купцу, или влиятельному члену Лиги.

Стены повсеместно были украшены дублёными шкурами головоногов, на загнутых вверх крюках было развешено охотничье оружие: кривые сабли, ятаганы, длинные тонкие копья и дротики, тяжёлые ловильные сети, унизанные кольцеобразными грузилами. В одном углу были собраны охотничьи трофеи: бивни, рога, черепа и шкуры. В другом находилась ниша, и в ней, на высокой платформе, стоял древний резной чан, над ним горел мигающий факел. Плут подумал, что сосуд напоминает ему Купель Водгисса, вокруг которой лесные тролли собираются на празднества, только тот был выточен из камня, а не из дерева. И в этот резервуар из щели в скале тонкой винтовой струйкой текла кристально чистая родниковая вода.

– Добро пожаловать в Подземный Дворец! – произнёс Феликс и сделал широкий жест. – Скромный дворец, я называю его домом. Ты, правда, вырос в канализации Нижнего Города, и любая халупа, где крыша не подтекает, покажется тебе раем.

Плут покачал головой.

– Поразительно! – пробормотал он.

Феликс хлопнул в ладоши.

– Ну, пошли, дорогой друг. Ты, должно быть, умираешь с голоду. Зачерпни ведёрко из бака, а я пока разведу огонь.

Плут радостно бросился исполнять просьбу. Он нашёл котелок и опустил его в чан, наполнив до самых краёв. Затем, держа котелок перед собой, пересёк зал, неловко ступая по пыльным плитам и расплёскивая воду, и подошёл к кострищу, где когда-то горели тяжёлые поленья.

Феликс стоял на коленях, разводя огонь. Он уже сложил костёр из разрубленных балок, досок и обломков мебели и теперь развязывал кожаный мешочек у пояса. Потом извлёк из мешочка кремень, железный стержень, горстку измельчённой дубовой коры, моточек тильдьячей шерсти и разложил все эти предметы у очага.

Оторвав несколько оранжевых шерстинок от мотка, Феликс поместил их на плоский камень. Поверху насыпал порошок из дубовой коры и, зажав кремень в одной руке и железный стержень в другой, стал высекать огонь. Ярко вспыхнула искра, и кора стала тлеть. Нагнувшись, Феликс подул. Сперва у него ничего не получалось, затем повалил дым, горка коры вспыхнула со щелчком, и вверх взметнулось пламя.

– Самое главное – подсунуть огонь под дрова и ничего не нарушить, – пробормотал юноша, подвигая камень. Веточки и тонкие прутья сразу занялись. Феликсу удалось засунуть камень в самый центр, и костёр разгорелся. – Вот так! – гордо улыбнулся он. – А где же вода?

– Вот, – ответил Плут, и они вдвоём подняли котелок и повесили на крюк.

Костёр жарко пылал. Плуту было поручено подбрасывать в огонь дрова из поленицы у стены, а пока вода закипала, Феликс занялся приготовлением пищи. Что-то снял с крюков, что-то достал с полок и принялся колдовать над супом.

Сначала он крупно нарубил овощи, потом нарезал ломтиками и стал пригоршнями бросать крошево в котелок: корни и клубни, лесные луковицы и сосновый чеснок, тонко измельчённые черенки дубовых побегов, кору и зелень, дольки сочной болотной крыжалицы, которая росла по топким берегам Краевой Реки. Затем он разделал тушки трёх зверьков: снежарика, скалистой ящерицы и ещё кого-то, подозрительно напоминавшего пёструю крысу, – и, опалив мясо над огнём, бросил его в кипящий отвар, для густоты добавив горстку овса.

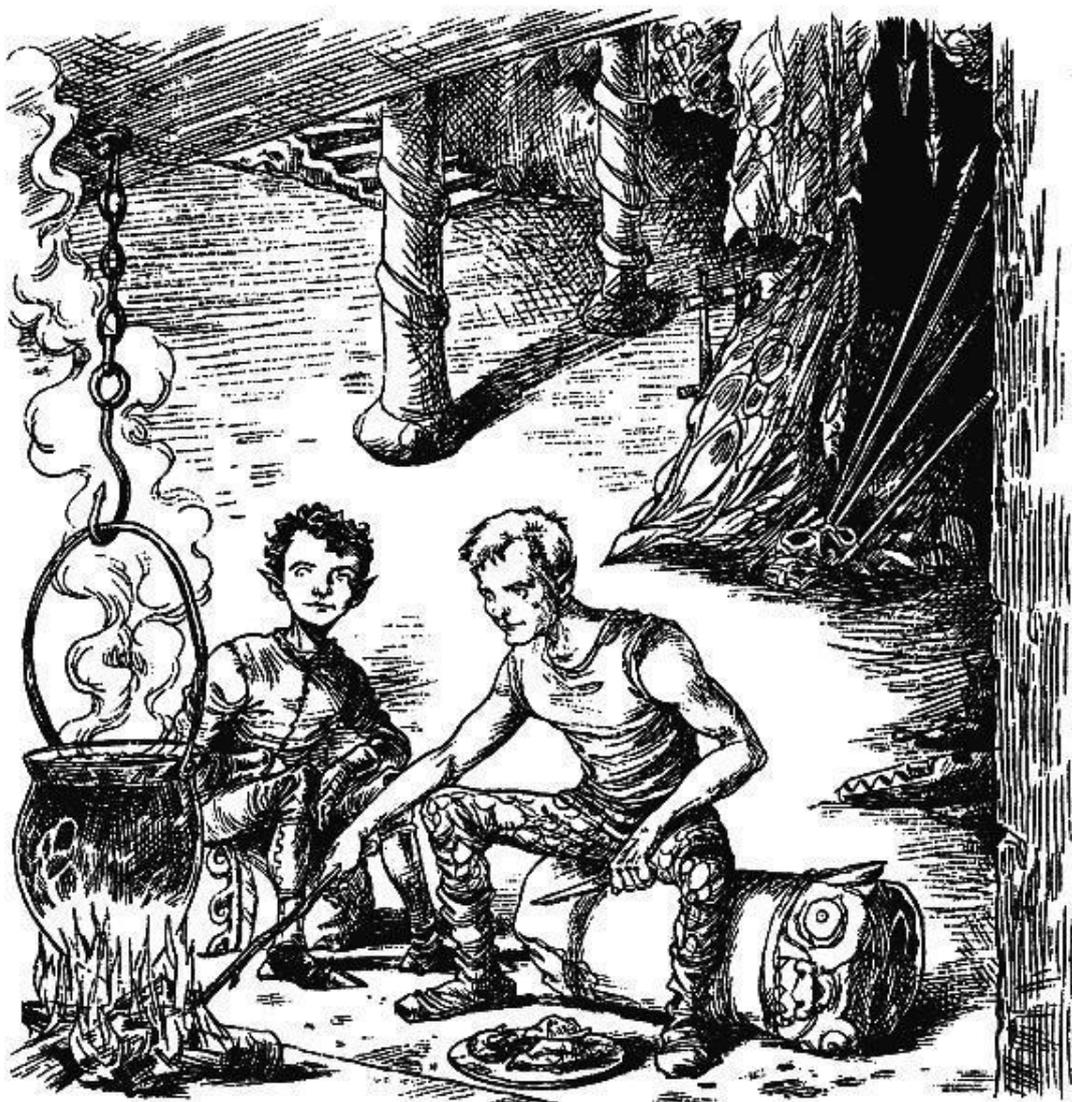
– И напоследок самое главное, – пробормотал Феликс себе под нос, отвязывая от пояса ещё один мешочек. – Капельку приправы. – Он развязал верёвку, стягивающую горловину мешочка, и запустил внутрь пятерню. – Чутьочку лесного перца, несколько штукешек сушёной колоколицы, щепотка пушистой полыни и... – он задумался, – молотые бродячие водоросли на кончике ножа...

– Нет, только не бродячие водоросли, – запротестовал Плут. – Ты же знаешь, я их ненавижу. Что сушёные, что солёные, что маринованные...

Феликс расхохотался:

– А мне они всегда нравились. Ну, если не хочешь, не надо.

Он выложил приправы – семена, листочки и горошинки – на камень и, растерев их рукоятью кинжала, опустил пахучую смесь в наваристый бульон. Дразнящий, пьянящий аромат немедленно распространился по залу, и у Плута, голодного и продрогшего, потекли слюнки.

Сосредоточенно хмурясь, Феликс ощупал свой пояс ещё раз, открывая и завязывая мешочки. Плут заинтригованно смотрел на него.

– Куда же я его подевал? – пробормотал Феликс. – А-а-а, вот он где. – И, с торжеством вытащив штопор с костяной ручкой, Феликс потряс им в воздухе. – Давай, Плут, выпьем по бокалу доброго старого дубовина за нашу встречу!

Он выхватил бутылку из плетёной корзины, кое-как смастерённой из прутьев летучего дерева, вытащил пробку и наполнил бокалы тягучим янтарным напитком.

– На, попробуй, – предложил он Плуту.

Плут поднёс кубок к губам, глотнул и расплылся в блаженной улыбке. Сладкий фруктовый нектар обволок ему нёбо, смочил пересохшую глотку. Живое тепло разлилось по всему телу. Плут снова глотнул, закрыв глаза от удовольствия.

– Чудесное вино! Никогда в жизни ничего подобного не пробовал!

– Ещё бы! – усмехнулся Феликс. – Оно предназначалось для генерала Титтага. – Феликс хохотнул. Неделю назад на складах партия, готовая к отправке в Ульеподобные Башни, странным образом бесследно исчезла... – За Духов Тайнограда!

– За Духов Тайнограда! – подхватил Плут, залпом осушив бокал.

Было так здорово снова увидеть своего старого друга! У юноши кольнуло в груди при воспоминании о Церемонии Провозглашения, когда Феликсу дали понять, что ему никогда не

суждено стать Библиотечным Рыцарем, в отличие от самого Плути. Он исчез сразу же, никому не сказав ни слова.

– Ты знаешь, они все скучают по тебе, – тихо проговорил Плут.

– Скучают по мне? – переспросил Феликс, уставясь в кубок.

– И отец, и твоя сестра Варис, – сказал Плут. – А ты никогда не думал вернуться обратно? Или хотя бы сообщить им, что ты жив?

Феликс помрачнел, лицо у него стало как грозовая туча.

– Конечно думал, Плут. Я часто думал о возвращении в канализацию, но... – Голос у него задрожал, и он с трудом сглотнул слюну. – Ты должен меня понять. Я сын Верховного Библиотекаря, и меня обошли! Меня никто не поддержал, и я не был избран Библиотечным Рыцарем! Я всех подвёл! И отца, и Варис! И моих учителей! Даже тебя, Плут!

– Нет, – запротестовал Плут. – Меня ты никогда не подводил, Феликс!

– Ты всегда был мне хорошим другом, – сказал Феликс. – Ты всегда помогал мне сдавать экзамены, ты сидел со мной дни и ночи напролёт. Но ты же знаешь, что я плохо разбираюсь в манускриптах, берестяных свитках и диссертациях. Я не гоюсь в Библиотечные Рыцари. Мне было стыдно признаться в этом, и я позорно бежал. Теперь это пятно будет лежать на моей совести всю жизнь. – Он пожал плечами. – Кроме того, мне здесь нравится. Для такой жизни я, наверное, и был рождён, а не для того, чтобы гнить в промозгом книгохранилище в окружении нудных, покрытых плесенью фолиантов и ещё более нудных, заплесневелых профессоров!

– А как можно любить Тайноград? – изумился Плут. – Здесь же кишмя кишат гнилососы, камнееды и прочая нечисть. – Он содрогнулся. – И кое-кто похуже...

– Похуже? – Феликс поднял глаза.

– Хуже некуда, – подтвердил Плут. – Я потерпел аварию к северу отсюда и потревожил обитающих там чудищ. Я даже не видел их, но они так топали, что показались мне великанами. Скрежет огромных когтей, хлопанье гигантских чешуйчатых крыльев...

– Ну-ну... – протянул Феликс. – Это тот каньон под скалой, откуда Стражи Ночи сбрасывают вниз клетки с заключёнными?

Плут кивнул.

– Дурное место... – произнёс Феликс. – Я обычно обхожу его, но чудовища, о которых ты рассказываешь, меня заинтересовали. Я подумаю о новых трофеях для украшения этого зала.

Лицо Плути озарилось улыбкой.

– Ты не исправим, Феликс.

– Зато мне никогда не бывает скучно... Хватит говорить обо мне. Давай-ка посмотрим, не готова ли наша похлёбка. А пока расскажи мне о себе. Я хочу знать обо всём. Как, например, наш юный Библиотечный Рыцарь попал сюда, в Тайноград, и его чуть не сожрал местный камнеед.

Феликс помешивал булькающий наваристый суп, а Плут опять пригубил дубовино. В задумчивости он покачал головой. Как попал сюда?

– Было раннее утро, и я патрулировал местность. Я уже облетел Тайноград и направлялся к Каменным Садам, как вдруг что-то ударило по «Буревестнику», моему небоходу.

Феликс оторвал взгляд от кипящего котелка.

– Может быть, гарпун Стражей? – предположил он.

– Я не подлетал близко к Башне Ночи, – ответил Плут. – Это «что-то» было посильнее гарпуна. Я плыл по воздуху на раздутых парусах, с опущенными противовесами, а в следующую секунду...

В глазах Феликса мелькнула острая зависть: он сам до смерти хотел бы летать...

– А в следующую секунду, – мрачно продолжал Плут, – я услышал грохот. Оглушительный грохот. И – вспышка. И запах горящего паучьего шёлка. Меня потащило по небу. Я потерял управление. Судорожно вцепился в шею моего «Буревестника», пытаюсь удержать его в

воздухе... – Он посмотрел на Феликса, и глаза его наполнились слезами. – Мы кувырком полетели вниз. «Буревестник» разбился насмерть. Ах, Феликс, я сам выточил его из куска отстойного дерева. Мы с ним...

Феликс отошёл от огня и положил руку на плечо Плути.

– Ну что поделаешь, дружок. Я тебя понимаю... Ты получил бесценный дар – умение летать. А потом у тебя его отобрали. Это сродни тому, что я чувствовал на Церемонии Провозглашения когда-то.

В этот момент раздалось громкое карканье и хлопанье крыльев: с верхней площадки, сверкая глазами, слетела белая птица с искалеченной лапой и уселась на плечо Феликса. Она с подозрением оглядела Плути.

– Белый ворон? – с изумлением воскликнул Плути. – А я думал, что они навсегда покинули Каменные Сады.

– Все улетели, кроме Гаарна, – ответил Феликс, почёсывая грудку птицы со страшным острым клювом. – Когда его стая покидала родные края, с ним случилось несчастье. Я нашёл его на земле полумёртвым неоперившимся птенцом. Немногочисленные перья у него были подпалены, лапа раздавлена тяжёлым камнем. Я выходил его, и с тех пор мы с ним не расстаёмся, правда, Гаарн?

– Карр! – подтвердил ворон. – Феликс – Гаарн – дружба.

– Он умеет говорить! – попятившись, обалдело воскликнул Плут.

– Я его научил, – ответил Феликс. – Может, я не умею летать, как ты, Плут, но Гаарн умеет. И он – мои глаза. По правде говоря, своим спасением ты обязан не мне, а ему. Он первым заметил тебя, пробирающегося по Тайнограду, и доложил мне.

Феликс вернулся к огню и помешал kloкочущее варево солидной деревянной ложкой. Выловив кусочек мяса, он откусил половину, пожевал и протянул вторую половину ворону.

– Кажется, готово...

– Пора! Пора! – одобрительно каркнул ворон.

– Ты есть хочешь, Плут?

– Ты ещё спрашиваешь! Да я могу и тильдера проглотить!

Феликс рассмеялся.

– И я тоже, – проревел он. – Боюсь, нам придётся довольствоваться снежариком, скальной ящерицей и...

Над супом поднимался дразнящий аромат. И если в похлёбке плавала пёстрая крыса, Плут ничего не желал об этом знать.

Глубоко-глубоко, под Нижним Городом, тихо капала вода, стекающая по стенам канализационных труб, и, подхваченный эхом, разносился низкий гул голосов. День кончался, хотя все – от профессоров до помощников библиотекарей – были заняты делом.

Фенбрус Лодд на мосту из летучего дерева беседовал с Олквиксом Венваксом. Когда они пришвартовались и поднялись на мост, их встретил дружный хохот плотогонов, смеявшихся над анекдотом. На одной из верхних площадок менялся караул стражников. А в читальнях, сцепленных в связки и привязанных к самому прочному из мостов – мосту из чёрного дерева, – завершали работу Библиотечные Учёные: с пылом и рвением вносили последние поправки в манускрипты, закрывали крышечками чернильницы и подзывали служителей, чтобы те, повернув лебёдку, помогли спустить кабинки вниз.

– Эй, там, внизу! Нельзя ли побыстрее! – слышался чей-то раздражённый голос. – У меня назначена важная встреча с Профессором Света!

– Иду, сэр, – громким голосом отозвался большеухий дрыготрог. Он бегом пересёк мост и, схватившись за рукоять, начал вращать массивное колесо. – Сейчас-сейчас, сэр... Простите меня, сэр...

В главном зале Центрального Книгохранилища, благодаря постоянно работавшим дровяным печам и вентиляторам, всегда было тепло и сухо. Сегодня и за его пределами, в мрачных сырых тоннелях, воздух тоже прогрелся больше обычного. Казалось, жара, обволакивающая Нижний Город, просочилась в канализацию; даже стены труб стали такими липкими и клейкими от пара, что прикасаться к ним было омерзительно. Кроме пёстрых крыс, млевших от удовольствия на жаре, все жители подземелья – от смотрителей, обслуживающих библиотечные подъёмники, до Профессоров Света и Тьмы – задыхались от духоты.

Двое юношей, недавно избранных Библиотечными Рыцарями, вернулись к себе домой в спальные кабинки по боковому тоннелю, ответвлявшемуся от Центральной Трубы, и в изнеможении плюхнулись в гамаки.

– Какая жара! – простонал один из них.

– Что толку повторяться, Керн! – ответил другой. – А ещё эти ужасные масляные лампы! Жар, дым и вонь... – Он вяло помахал рукой у себя перед носом. – Они должны разгонять мрак, а получается совсем наоборот: они так чадят, что ничего не видно!

Подальше в тоннеле была дверь в длинный сводчатый зал, где спёртый, горячий воздух отдавал затхлостью тёплого мшистого меха. По сырому каменному полу, не таясь, пробежала пёстрая крыса, как будто заранее знала, что обитатели этого жилища не представляют для неё

никакой опасности. Подобравшись к огромной когтистой лапе, она принялась и вонзила в пятку острые жёлтые зубы. Кровь потекла из ранки прямо в её открытую пасть.

– Вух! – вскрикнул зверь, скорее от удивления, чем от боли, и добродушно дал хищнице пинка.

Это был толстолап, крупный самец с глубоким шрамом на плече, который просвечивал сквозь грязную, спутанную шерсть, – один из четверых, расположившихся в углу помещения. Он грозно зыркнул на крысу, и пёстрая охотница недовольно поспешила прочь.

– Вурра-волла-веера-вер, – застонал толстолап. – *Теперь мерзкие твари стали пить мою кровь. Жизнь моя стала мрачной.*

Его соседка, худая как щепка старая толстолапиха, ласково ухаживала за ним: вычёсывала ему шерстку, вытаскивала канализационных клещей из складочек на коже, щёлкая зубами.

– Вух-вух-вуррума, – прошептала она. – *Терпение. Скоро полная луна снова озарит твои очи.*

– Вух? – буркнул третий толстолап, содрогаясь всем телом. – *Но когда?* Веера – вуур – вуррало...

Ещё одна толстолапиха – странные отметины на её морде блеснули, озарённые жёлтым светом лампы, – молвила:

– Вуррел – луррагул – вуррало. *Правдивы твои слова. Если погиб тот, кого пронзила отравленная палочка, что же будет со всеми нами?*

В эту минуту полог, которым был занавешен входной проём, откинулся и в зал влетела девушка из команды Библиотечных Рыцарей. Глаза у неё были красные, слёзы потоками стекали по щекам.

– Неправда, неправда! – выпалила она.

Толстолапы уставились на неё.

– Ну пожалуйста, скажите мне, что это не так! – продолжала она. – Только не Плут! Такого не может быть!

Вумеру, толстолапиха, с которой Плут подружился во время своей экспедиции, неловко встала и вперевалку подошла к девушке.

– Вух-вух-веералах. Вуррало. Вурра-вух, – тихо произнесла она.

Магда опустила голову. Она достаточно хорошо знала язык толстолапов. Слова Вумеру только подтвердили то, что Верховный Библиотекарь говорил Олквиксу Венваксу в беседе, несколько их реплик она случайно услышала... Поступили сведения о том, что небоход юного Библиотечного Рыцаря потерял управление при патрульном полёте и камнем упал на землю. И теперь Плут официально числился пропавшим без вести.

Магда всхлипнула, утирая слёзы.

– Я... я не могу поверить. Я разговаривала с ним накануне вечером. У нас в столовой. Он самый лучший пилот из всех, кого я знаю. Он бы никогда не допустил аварии... Он...

Вумеру нежно обняла рыдающую девушку своими меховыми лапищами и прижала её к груди.

– Вух-веера-ло-вал, – печально произнесла она. – *Наши сердца тоже переполнены болью.*

– Бедный Плут, – пробормотала Магда, и звук её голоса утонул в густом мехе. – Бедный Плут...

Занавес, прикрывавший вход, отлетел в сторону во второй раз. Магда оглянулась. В дверном проёме появилась Варис Лодд, мрачная как туча.

– Я вижу, вам уже известны печальные новости, – сказала она. – А я возлагала такие надежды на Плута, моего лучшего ученика. Ужасная потеря.

Магда вырвалась из объятий Вумеру.

– Вы говорите о нём так, будто он умер, – возразила она. – Он ещё не занесён в список погибших. Он в списке пропавших без вести, он потерялся в Тайнограде, а не погиб.

Варис положила руку Магде на плечо:

– Поверь мне, я знаю, как тяжело терять друга, молодого Библиотечного Рыцаря... По сообщениям, которые мы получили, он мужественно старался удержать небоход в равновесии, когда тот потерял управление.

– Никто ведь не видел места крушения, – продолжала настаивать Магда. – Мы не знаем, жив он или мёртв.

Варис отвернулась.

– Для него было бы лучше погибнуть, – тихо сказала она. – Потому что, если ему удалось выжить после крушения, в Тайнограде его ждёт ужасная смерть.

– Нет! Нет! Нет! – закричала Магда. Заткнув уши, она стремглав выбежала из зала. – Я никогда не поверю, что это правда. Он не погиб! Он жив! Я верю! И буду верить, даже если вы все потеряете надежду!

Плут сонно приоткрыл глаза и осмотрелся, не понимая, как он оказался в этой роскошной спальне. Он лежал на мягком соломенном тюфяке, прикрытый покрывалом из шкуры тильдера. Над собой он увидел изящные колонны с прорезанными желобками, замысловатые масляные лампы и позолоченную лепнину на потолке, поблёскивающую в мерцающем свете. Слева раздалось лёгкое посапывание: кто-то повернулся на другой бок во сне, – и Плут моментально

вспомнил, как допоздна сидел с Феликсом, рассказывая ему о своих приключениях на Дороге через Великую Топь, о Вольной Пустоши, о полётах над Нижним Городом.

Плут посмотрел на приятеля, прикорнувшего у затухающего костра. Феликс спал: дыхание у него было ровным и спокойным, и знакомая лёгкая улыбка играла на губах. Феликс всегда видел хорошие сны. У его постели устроился Гаарн, сунув голову под крыло. Плут решил не будить товарища. Он бы тоже охотно провалился в сон, но его одолели тяжёлые мысли о будущем.

Они разработали план действий накануне за ужином. Плуту жаль было расставаться со своим другом после неожиданной встречи, но он оставался Библиотечным Рыцарем. Ему следовало вернуться в Центральное Книгохранилище и обо всём доложить. Библиотечные Учёные крайне нуждались в сведениях, приносимых их юными помощниками, дабы быть в курсе того, что происходит на земле, над сточными трубами. Феликс хотел помочь Плуту вывести что-нибудь о подземной канализации.

– Я знаю канализационную сеть как свои пять пальцев, – возразил тогда Плут.

– Ты всегда хорошо ориентировался под землёй, – заметил Феликс. – Только мне жаль тебя отпускать. Я могу провести тебя через Тайноград, но ты забыл про серьёзное препятствие.

– Какое?

– Краевая Река, – ответил Феликс, – если эту выгребную яму со стоячей водой можно назвать рекой. Тебе нужно будет переплыть её. Через канализационные трубы между Тайноградом и Нижним Городом не пройти. Как-то мне довелось там пробираться. Я тебе не завидую, Плут...

Плут тихонько вылез из-под тяжёлого одеяла и потянулся. От вина, выпитого ночью, во рту всё горело, горло пересохло от жажды. Он пересёк зал, выложенный плитами, и, добравшись до чана, в который тонкой струйкой стекала вода, утолил жажду. Феликс, не просыпаясь, пробормотал что-то нечленораздельное, Гаарн растопырил пёрышки, отряхнулся и снова погрузился в сон.

Плут ополоснул лицо и, стараясь не шуметь, стал обследовать помещение.

Когда-то эти пышные подземные покои находились на верхнем этаже роскошного дворца. Из окон, ныне заваленных камнями и обломками породы, открывался прекрасный вид на Нижний Город – до того, как крошащаяся скала погребла все здания под собой. Резной потолок с искусно выточенными щитами и фигурками людей, вероятно, подсказал бы, кому именно принадлежало это здание, но Плут не мог рассмотреть детали орнамента. Ясно лишь одно: каменные палаты ещё и пострадали от пожара. Точёные балки обуглились, плиты на полу растрескались, а стены почернели от копоти. Шкуры головоногов, развешенные по стенам, прикрывали чуть не дотла сгоревшие перегородки.

Плут провёл рукой по стене. Ладонь сразу покрылась сажей, и юноша отёр грязь о шкуру головонога, висевшую справа от него. Потянув за серую пористую меховую занавеску, Плут, присмотревшись, увидел покрытые копотью очертания пиратской треуголки, проступавшие на картине. Он вытащил платок из кармана и тщательно обтёр картину. Под треуголкой открылось благородное лицо с вьющимися бакенбардами и аккуратной подстриженной бородкой. Плут с любопытством продолжил работу. Из-под копоти показался расшитый сюртук. Не болотным ли жемчугом с Великой Топи был разукрашен его воротник? А какие драгоценности на эфесе его шпаги? И что там вышито на кромке костюма: может, его инициалы?

Плут стряхнул сажу, стараясь не повредить отслаивающуюся краску. «Ш. В.» – прочёл он и, предельно заинтригованный, занялся расчисткой...

Гордый воздушный пират, как он выяснил, был изображён первым справа на семейном портрете. Его жена, высокая и элегантная дама, стояла рядом. За ней следовали шесть мальчиков – мал мала меньше, все похожие друг на друга. Когда-то они, замерев, смотрели на рисовавшего их художника, а теперь глядели на Плута.

Юноша продолжал расчищать залепленную сажей и копотью стену, лёгкими движениями освобождая каждый сантиметр росписи, удаляя грязь с фигур. Постепенно на картине проявились старомодные жилеты и мешковатые штаны, высокие туфли с массивными пряжками. Члены семейства стояли, как обнаружил Плут, на выложенном плитам полу, на том самом полу, где теперь стоял он. Юноша продолжал работу, шаг за шагом снимая налёт с картины, как вдруг...

– Что это? – ахнул Плут, когда из-под слоя копоти под ногами воздушного пирата проступили буквы.

Боясьдохнуть, Плут смахнул остатки пыли платком. На резной раме золотом были выведены буквы. Он прочёл имя: «Шакал Ветров». Значит, так звали этого богатого человека, который построил себе роскошный дворец в фешенебельном районе Нижнего Города. Что стало с ним? Плут мог только теряться в догадках.

Пытаясь отыскать хоть какие-то подсказки, юноша обнаружил под каждой из фигур похуже на свитки таблички с именами членов семейства. Под изображением матери было выведено «Гермина», мальчиков звали Люциус, Центикс, Мьюрикс, Пеллиус, Мартилиус, а самого маленького – Квинтиниус. По самому низу картины в виде ленты, развевающейся на ветру, бежала замысловатая надпись: «Семья Орликса Верджиникса».

Как хорошо было бы иметь такую семью, подумал Плут, расти вместе с братьями, которые играли бы с тобой, гуляли по шумному старому городу, свободному от тирании гоблинов и

Стражей Ночи. На секунду он задержал взгляд на портрете младшего сына. Как ни странно, ему показалось знакомым это лицо: тёмные глаза и упрямый подбородок.

«Жаль, что мы никогда не встречались с тобой», – сокрушённо подумал Плут и принялся расчищать остальную часть фрески.

Над залом, где позировала семья, изображалась крыша прекрасного здания с кручёными шпилями и округлыми минаретами. В перспективе виднелись величественные ансамбли: вздымающиеся в небо башни, роскошные особняки и дворцы, раскинувшиеся по берегам Краевой Реки. На ленте, которую держала в клюве нарисованная Птица-Помогарь, значилось: «Западная Набережная» – так, по-видимому, назывался этот район прежде.

Плут перевёл взгляд на верхнюю часть кровли. Его внимание привлёк какой-то предмет, явно прикрепленный к одному из пилонов. Поняв, что ему не дотянуться до самого верха фрески, юноша на секунду прервал работу, схватил табурет, вскочил на него и, стерев грязь, ахнул! Под слоем копоти скрывалось тщательное изображение небесного корабля. Детали были прорисованы с удивительной точностью: Плут мог разглядеть каждый гвоздь, каждый рычаг и каждый узелок на канатах в оснастке летучего судна. Паруса раздувались, мачта сверкала, а медная табличка с названием корабля «Укротитель Вихрей» блестела на солнце.

Плут с грустью подумал: «Придёт ли время, когда в небо снова поднимутся такие корабли?»

– Кар-р-р! – отчаянно прокричал ворон, и эхо в зале повторило его крик.

– Ай-ай-ай! – завопил Плут, покачнувшись на табурете.

– Пор-р-ра пр-р-росыпаться! Пор-р-ра! – каркал ворон.

Плюх!

– Гром и молния, что тут творится? – послышался сонный голос из дальнего угла зала. – Плут, что с тобой?

Плут поднялся с пола, потёр ушибленную голову. Феликс подбежал к нему и в изумлении глянул на картину.

– Ну и ну! – посетовал он. – Как это я сам не догадался расчистить стенку!

– Красиво, правда? – спросил Плут, отступая на несколько шагов и любуясь картиной. – Она была скрыта под глубоко въевшейся копотью и сажей. Посмотри на надписи, Феликс. Потрясающе. Мы сейчас находимся во дворце, который когда-то принадлежал знаменитому воздушному пирату, капитану небесного корабля Орликсу Верджиниксу, по прозвищу Шакал Ветров. А это его жена. И сыновья.

– Да, да, – проговорил Феликс. – В истории я не силен. Ты понимаешь, о чём я? Мне интересно то, что происходит сегодня, сейчас, а не то, что случилось тысячу лет назад.

– Но прошлое связано с настоящим, – возразил Плут. – Прошлое живёт в нас, окружает нас.

– Ну если ты так считаешь, – зевнул Феликс. – А как насчёт завтрака? Я умираю с голоду.

Спустя полчаса они выбрались из подземного дворца наружу, под яркие лучи солнца. Плута жара буквально обварила. Несмотря на раннее утро, влажный воздух казался раскалённым и от невыносимого зноя нечем было дышать.

Феликс, с Гаарном на плече, уверенно прокладывая путь среди завалов и нагромождений каменных глыб. Плут шагал за ним, стараясь успокоить нервы и думая о том, что ждёт его впереди.

– Вот мы и пришли, – объявил Феликс, когда они взобрались на самый верх огромной каменной кучи. – Краевая Река...

Плут взгляделся в даль. Несмотря на палящую жару, его охватила дрожь. Река производила удручающее впечатление. Она медленно несла свои грязные воды, и над маслянистой, жирной поверхностью клубами вихрился туман. Они с Феликсом спустились к берегу.

– Ну, удачи тебе, Плут, – пожелал ему Феликс на прощание. – И передай привет моему отцу и Варис.

– Разумеется, передам, – отозвался Плут, глядя в глаза другу. – Послушай, сейчас ещё не поздно всё изменить – и пойти вместе со мной!

– Нет, – ответил Феликс. – Я... я не могу вернуться. Моё место здесь. – Он указал на реку. – А теперь ступай, Плут. Будешь переплывать реку – поторопись, а то туман скоро рассеется и тебя могут заметить с берега.

– Ну, Феликс, – вздохнул Плут, обнимая друга, – береги себя. Феликс отстранился.

– Мы ещё встретимся, – произнёс он. – Я совершенно уверен.

Плут молча кивнул, пытаясь удержать слёзы, и отвернулся. Клубился туман, жирная, вздувшаяся река плескалась у его ног...

– Пр-р-рощай! – каркнул напоследок Гаарн, взмывая в воздух.

Плут обернулся.

– До свидания, Феликс, – печально всхлипнул он. – Ты настоящий друг.

Повернувшись спиной к Феликсу, Плут сделал шаг вперёд. Затем ещё один, и ещё...

Глава четвёртая Гибельная дыра

Плут осторожно ступал по липкой, чавкающей грязи, пузырящейся у него под ногами. Прибрежная отмель коварной Краевой Реки резко подавалась вниз. Он ощупал пояс, проверяя, всё ли на месте, хотя вряд ли он мог что-то исправить, если чего-либо из снаряжения не хватало. Сначала бурая вода доходила до колен, потом он оказался по пояс в густой жиже. Дно исчезло под ногами, и дальше можно было пробираться только вплавь.

Выбросив руки вперёд, Плут наклонился, оттолкнулся ногами и погрузился в воды медленно текущей реки. Вода была тёплой и маслянистой, густое месиво с тяжёлым плеском лениво расступалось, омывая его кожаную лётную форму.

Делая взмах за взмахом, Плут целеустремлённо плыл вперёд, к другому, трудноразличимому за туманом берегу.

Он никогда не увлекался плаванием. Грязная вода, текущая по канализационным трубам мимо Центрального Книгохранилища, дурно пахла, и даже думать о том, чтобы в ней искупаться, было неприятно, – передвигаться по каналам можно было только на плотках. С раннего детства он не любил занятий на плавучих цистернах, хотя его товарищи – помощники библиотекарей – получали удовольствие от таких поездок. Позже, попав на Вольную Пустошь, где кристально чистая гладь Большого Озера предлагала идеальные условия для купальщиков, он постепенно полюбил воду. Встав рано поутру, задолго до завтрака, бежал к озеру и, нырнув с высокого берега, переплывал его.

«Эй, Магда! – кричал он, будя свою подругу. – Пошли купаться! Вода сегодня прекрасная!»

О Краевой Реке такого сказать было нельзя. Юный Библиотечный Рыцарь сражался с застойной жижей. Вода обжигала, как в горячей ванне. Течение ощущалось слабо, и всё же его слегка сносило влево. Плут, будучи опытным пловцом, надеялся, что беспрепятственно доберётся до противоположного берега.

Его волновал густой туман. Он не видел ни куда плывёт, ни сколько ему ещё осталось плыть. Двигался вперёд вслепую, колотя ногами по воде и ориентируясь по направлению течения реки.

«Ещё немного – и я доплыву до цели, – сказал он себе. – Медленно, но верно я добьюсь, чего хочу».

Плут почувствовал, что добрался до середины реки: течение здесь усилилось, волны плескали в лицо – тёплая, мерзкая жижа. Туман, густым облаком витавший над поверхностью реки, был полон отвратительных гнилостных испарений. Руки у него слабели, ноги едва шевелились, но он плыл и плыл...

На минуту туман рассеялся, и Плуту стал виден противоположный берег. Сердце у него жалось: до суши было ещё очень-очень далеко, а плыть назад не имело никакого смысла.

Туман опять сгустился. Плут сбился с ритма, и поднимать руки и ноги ему становилось всё тяжелее и тяжелее. Подозрительные сгустки спутанных водорослей неслись по воде рядом с ним, и какие-то непонятные предметы, твёрдые, мягкие, колыхавшиеся и на поверхности, и в глубине, постоянно задевали его. То ли пиявки, кишачие в мутной воде, а может, водяные упыри, шныряющие в поисках добычи по дну реки?

Стараясь отогнать тревожные мысли, Плут продолжал путь. Над головой у него промелькнула стая снежариков, в их весёлом гомоне звучала насмешка. «Он не доплывёт, – казалось, щебетали они. – Он обязательно утонет! Обязательно утонет!»

Густая дымка рассеялась во второй раз, глянуло солнце, а противоположный берег был ещё далеко, но чуть ближе, чем раньше. Плут увидел высокие здания судоремонтных мастерских, пакгаузы и склады, портовых рабочих в защитных касках, орудовавших крюками на разгрузке барж, и темнокожего гоблина, спешившего по причалу с зазубренной пикой в руке.

И снова туман заволок всё вокруг. Плут еле поднимал ставшие свинцовыми руки, силы у него убывали с каждой минутой. «Не напрягайся, – убеждал он себя, сражаясь с вязкой, как патока, водой. – Медленно, но верно. Взмах за взмахом...»

Туман рассеялся в третий раз и уже не ложился на воду. Плут отчётливо видел берег, до суши оставалось метров пятьдесят, и теперь его охватило новое волнение: он боялся попасться кому-нибудь на глаза.

Ноги стали тяжёлыми, как гири. Опасаясь, что его заметит какой-нибудь докер или гоблин охранник, Плут не поднимал глаз и вдруг почувствовал, что сапоги волочатся по грунту. В следующий миг пальцы утонули в береговой тине, Плут потянулся и плюхнулся грудью на гальку. Так он долго лежал, наполовину в воде, наполовину на суше, издав непохожий на груды мусора, прибитую волнами к берегу.

Передохнув, Плут, избегая резких движений, поднял голову и осмотрелся. Ему повезло. Очень повезло. Он лежал в тени причала, нависшего прямо над ним. Пристань стояла на массивных деревянных столбах, и ближайшая опора находилась справа, шагах в десяти. Плут хорошо слышал тяжёлую поступь над головой и сквозь щели между досками видел фигуры гоблинов и трогов, снующих по причалу.

Плут с облегчением вздохнул. Он переплыл Краевую Реку! Теперь надо найти лаз в канализацию. Он попытался встать и, к ужасу своему, понял, что не может подняться. Две костлявые рыбины, раскрыв пасти, заглотнули его ноги почти по колено, как пара дьявольских сапог. На Плута смотрели холодные серые рыбы глаза, а вокруг ртов, исходящих слюной, шевелились розовые присоски.

«Болотные рыбы!» – задохнулся в отчаянии Плут.

Он знал про них всё. Диссертация Петриса Филлита, посвящённая болотным рыбам, стала классикой в области ихтиологии. Нерадивых младших помощников библиотекаря в качестве наказания силком заставляли учить наизусть это объёмное сочинение из двухсот тридцати двух страниц. О да, Плут хорошо изучил повадки болотных рыб! Они присасывались к жертве, если она была слишком велика и нельзя было проглотить её целиком, топили её, утачивая под воду, ждали, пока добыча начнёт разлагаться и гнить, и потом рвали её на части своими щупальцами. Эти хищницы обитали в водах Краевой Реки и на просторах Великой Топи, у них была особая структура жабр и третье веко на глазу – их особенность. И главное, что почерпнул Плут из пухлого тома, была инструкция о том, как следует себя вести, если болотные рыбы на тебя напали.

Плут приказал себе успокоиться, чтобы унять дрожь. Теперь он с благодарностью вспомнил старого брюзгу профессора, который наказывал его за болтовню в классе, заставляя читать диссертацию о болотных рыбах. Плут выхватил меч из ножен и, стараясь не повредить себе ногу, воткнул остриё прямо во внутреннюю жабру, скрытую за внешним, выпирающим бугорком. Раздался тихий звук, похожий на щелчок, и присоски ослабили мёртвую хватку. Болотная рыба, извиваясь рядом с освобождённой ногой, яростно шлёпнула хвостом и исчезла в водорослях.

Плут, воспрянув духом и крепко ухватившись за рукоять меча, решил совершить подобную операцию во второй раз, но вторая рыба, вероятно предупреждённая первой об опасности, сама отпустила его ногу и удалилась прочь. Плут следил, как она уплывает, неистово мотая хвостом... Потом он встал, ноги у него подкашивались.

Плут подобрал вещи и принялся обдумывать своё положение.

Если у него над головой располагаются цеха и мастерские, где трудятся рабы, а дальше плавучие доки, значит, чтобы проникнуть в систему канализации, нужно идти вверх по течению реки. Но рисковать не имело смысла: его запросто мог увидеть любой прохожий на берегу. Нет, лучше в Нижнем Городе поискать люк, через который можно пролезть в сточную трубу. Попав в клоаку, без труда добраться до главного тоннеля, а оттуда – напрямик в Центральное Книгохранилище.

Плут направился по прибрежной полосе, стараясь держаться в тени, короткими перебежками от столба к столбу, останавливаясь лишь на мгновение перевести дух. Постепенно расстояние между настилом и землёй стало сокращаться. Грохот сапог усилился, и к топоту присоединился громкий гул голосов: грубые окрики, брань и отрывистые команды. Плут закусил губу. Кончалась ночная смена, рабы прибывали для работы в дневную, и гоблины надсмотрщики следили за порядком. Было примерно семь часов утра.

И тут воздух зазвенел от рычания и воя. Плут замер. Гоблины были не только вооружены до зубов – они привели себе в помощь белогривых волков!

Пригнувшись, юноша стремглав проскочил под настилом, добрался до задней стенки и полез вверх по старой ржавой лестнице на торце причала. Шаткая лестница угрожающе раскачивалась и скрипела, – казалось, крепёжные болты вот-вот вылетят из гнёзд. Плут ощущал себя незащищённым, выставленным на всеобщее обозрение. Если кто-нибудь заметит его... «Никто тебя не заметит! – резко сказал он себе. – Смело вперёд!»

На верхней ступеньке лестницы он задержался и потом опрометью бросился к ближайшим строениям: беспорядочно нагромождённым захудалым домишкам, складам, сушильням для парусов.

Плут бежал по улицам, и мрачные, без окон, стены домов давили на него. Пот градом катил по лицу. Мелькнула тревожная мысль: вдруг кто-нибудь появится, тогда его обязательно схватят. Ах, если бы он знал расположение улиц и переулков Нижнего Города так же хорошо, как подземные тоннели и канализационные трубы!

Издали донёсшиеся звуки подсказали ему, где он находится: скрип несмазанного ворота, приглушённый гул голосов. Плут замер, наострив уши. К скрипу добавились металлическое позвякивание и плеск воды. Плут улыбнулся. Сомнений не было: до Западного Колодца рукой подать! Сколько раз он пролетал здесь и видел компанию гоблиновых жён, болтающих о том о сём в ожидании своей очереди, чтобы наполнить водой кувшины из колодезного ведёрка! Сколько раз он замечал, что ворот ужасно скрипит и его давно пора смазать!

Плут крадучись пошёл вперёд, полагаясь больше на слух, чем на зрение, проскользнул в узкий проём между двумя деревянными домами с каменными цоколями. Выглянул из-за угла. Перед ним, как он и предполагал, был Западный Колодец – высокое, украшенное резьбой сооружение, единственный источник питьевой воды во всём районе, – а вокруг толпились пожилые гоблинши. Плут оглядел мощённую булыжником площадь и вспомнил, что на той стороне площади берёт начало улица, где есть главный сток, перекрытый решётчатыми воротами. Вопрос заключался в том, как туда попасть. Описа́ть круг, прячась в тени узких аллей? Или броситься напрямик, через площадь? Наверняка гоблинши не сумеют задержать его!

Он уже приготовился сделать бросок, но заметил, как одна из матрон подняла глаза, шепнула что-то на ухо соседке, и обе стали оглядываться вокруг. Они явно что-то услышали. Плут тоже услышал приближающийся топот тяжёлых сапог.

По площади шагала стража – отряд гоблинов. И они направлялись к нему!

Плут вжался в нишу в стене и затаил дыхание. Шершавая стена царапала колени. Замирая от страха, он наблюдал, как первая пара охранников двинулась по аллее. Нагрудники, шлемы и оружие, которым они были увешаны с головы до ног, блестели в лучах утренней зари. Ещё Плут увидел оборванца раба с опущенной головой и согнутой спиной, его тащили

стражники. За ними плелась группа рабов: на шее у каждого было ярмо и все несчастные были скованы одной цепью. Два вооружённых гоблина замыкали печальное шествие. Плут сжался в комок. К его ужасу, охрана была усилена: каждый гоблин вёл на поводке белогривого волка.

Молясь, чтобы его не заметили, Плут смотрел, как мимо прошёл первый гоблин, с усилием удерживая на цепи страшного зверя, затем второй. Наконец они оба исчезли из поля зрения. Плут с облегчением вздохнул.

Они были так близко... Так близко...

– Что там такое, Таггер? – раздался голос первого охранника. – Кого ты там учуял, мальчик?

– А ты чего рычишь, Рэггер? – послышался второй голос. – Что там происходит? Ты кого-то нашёл?

Сердце у Плути ушло в пятки. Волки учуяли его.

Плут повернулся и помчался по узкому проходу так, что только пятки сверкали. Прочь, прочь от опасного места! Он оступался и падал. Оглянувшись, увидел освещённые солнцем фигуры гоблинов в конце аллеи: нагнувшись над волками, они возились с ошейниками. Сейчас они спустят волков с поводка!

Плут мчался не переводя духа.

– Он уходит, Слог! – выкрикнул один из гоблинов.

– Никуда он не уйдёт, – отозвался другой. – Рэггер, по следу! Таггер, туда! Взять его! Вон он!

Сердце у Плути колотилось как бешеное, он изо всех сил бежал по аллее. До поворота оставалось несколько десятков метров. Он слышал волчий лай на параллельных дорожках. Перед его внутренним взором чередой мелькнули воспоминания детства, которые он никогда не мог забыть: работорговцы и волки, волки... Тогда он последний раз видел своих родителей живыми. Яростный лай становился громче и громче. Ещё немного – и страшные звери загрызут его насмерть.

Нельзя медлить ни секунды! Он искал водосток, через который можно попасть в канализацию. Люк! Нужно найти люк!

Пот градом катился по спине, волосы на голове взмокли. Из последних сил Плут сделал рывок, добежал до перекрёстка и нырнул в мрачноватый переулок, кишмя кишевший торговцами и карточными игроками. В нос ему ударил запах горячего металла и палёного дерева из будок ремесленников. Он проскочил мимо визжащих циркулярных пил.

– Ты что, не видишь, куда прёшь? – раздалось сердитое голоса.

Внезапно народ на запруженной улочке рассосался: тропи и тролли бросились врассыпную, расчистив ему путь для отступления. Плут решил было, что они расступились, желая дать ему дорогу, и тут же понял, что они спасаются бегством в поисках укрытия. Сердце у него остановилось.

– Волки! Волки! – кричали кругом.

Плут оглянулся. Вопреки всему, он надеялся удрать от своих злобных преследователей. Но, увидев сверкающие глаза и истекающую слюной волчью пасть, потерял всякую надежду на спасение.

Не раздумывая, Плут заскочил в ближайшую мастерскую. Иссохший, покрытый морщинами лесной тролль с носом картошкой и косыми глазами с возмущением оторвался от токарного станка.

– Ах, дуб-кровосос, – по-местному выругался мастеровой. – Что ты делаешь?! – взревел он, когда Плут проскочил мимо него, опрокинув стол и разбросав инструменты. – Вот я тебя сейчас... Ай-ай-ай! Волки!

– Простите, – крикнул Плут, распахивая дверь, ведущую в жилое помещение.

Оказавшись в камерке ремесленника, он вылез через окно, прыгнул на землю, перека-
тился через голову и ловко вскочил на ноги. Волки с оглушительным лаем влетели в комнатку
следом: жажда крови обуревала их. Плут дотянулся до окна, закрыл ставни и крепко запер их
на засов.

Раздался протяжный яростный вой, волки пытались выломать деревянные ставни. Петли скрипели, доски трещали, выгибаясь под натиском зверей, но ставни выдержали напор.

– Благодарение Земле и Небесам, – пробормотал Плут и снова припустился бежать.

Волки вылетели назад, на улицу. Они не собирались прекращать погоню.

«Я тоже не сдамся», – решил Плут.

Он метнулся в арочный проём между массивными зданиями, напротив которых, как он помнил, стоял Особняк Колёсных Дел Мастера и Дом Собраний, где встречались члены Лиги. Здесь он увидел замысловато расположенные водостоки, и большие, и маленькие. Промчавшись под аркой, он выскочил на площадь, размерами намного больше, чем та, где находился Западный Колодец. Слева он увидел Центральный Фонтан: когда-то там текли каскадом и переливались сотни струй, теперь же из водомёта еле поднимался низенький столбик воды. А справа...

– Благодарю вас, Земля и Небо, – прошептал Плут.

Наконец-то он нашёл водосток! Люк, обрамлённый массивными каменными блоками, был смонтирован в стародавние времена. Он был круглым, и отверстие перекрывала решётка. Плут запустил пальцы в отверстия между прутьями чугунного переплёта и потащил крышку на себя. Сцепив зубы и согнув колени, рванул решётку ещё раз и застонал от напряжения. Скрипнул песок, покрывавший металл, и крышка подалась. Плут поспешно откинул её и нырнул в темноту.

Он повертел ногой, чтобы нащупать первую ступеньку железной лестницы, – Плут был уверен, что лестница, прикрученная к внутренней стороне трубы, обязательно должна быть здесь, – и его попытка увенчалась успехом. Он повернулся, приподнялся и, дотянувшись до крышки люка, поставил её на место прямо перед носом своих преследователей.

Тоннель был погружён во мрак. Над головой раздавался вой белогривых волков и скрежет когтей, тцетно царапавших металлическую решётку.

– Опоздали, опоздали, – злорадно ухмыльнулся Плут и стал спускаться ступенька за ступенькой. Вертикальная труба должна была привести его к подземному тоннелю. И если повезёт, думал Плут, он окажется в Центральном Книгохранилище менее чем за...

– Ай-ай-ай! – вскрикнул он.

Ступеньки кончились, и левая нога повисла в воздухе. Плут этого никак не ожидал. Правая нога соскользнула с последней планки, и юноша от неожиданности разжал руки. Не успев опомниться, он кубарем полетел вниз.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.